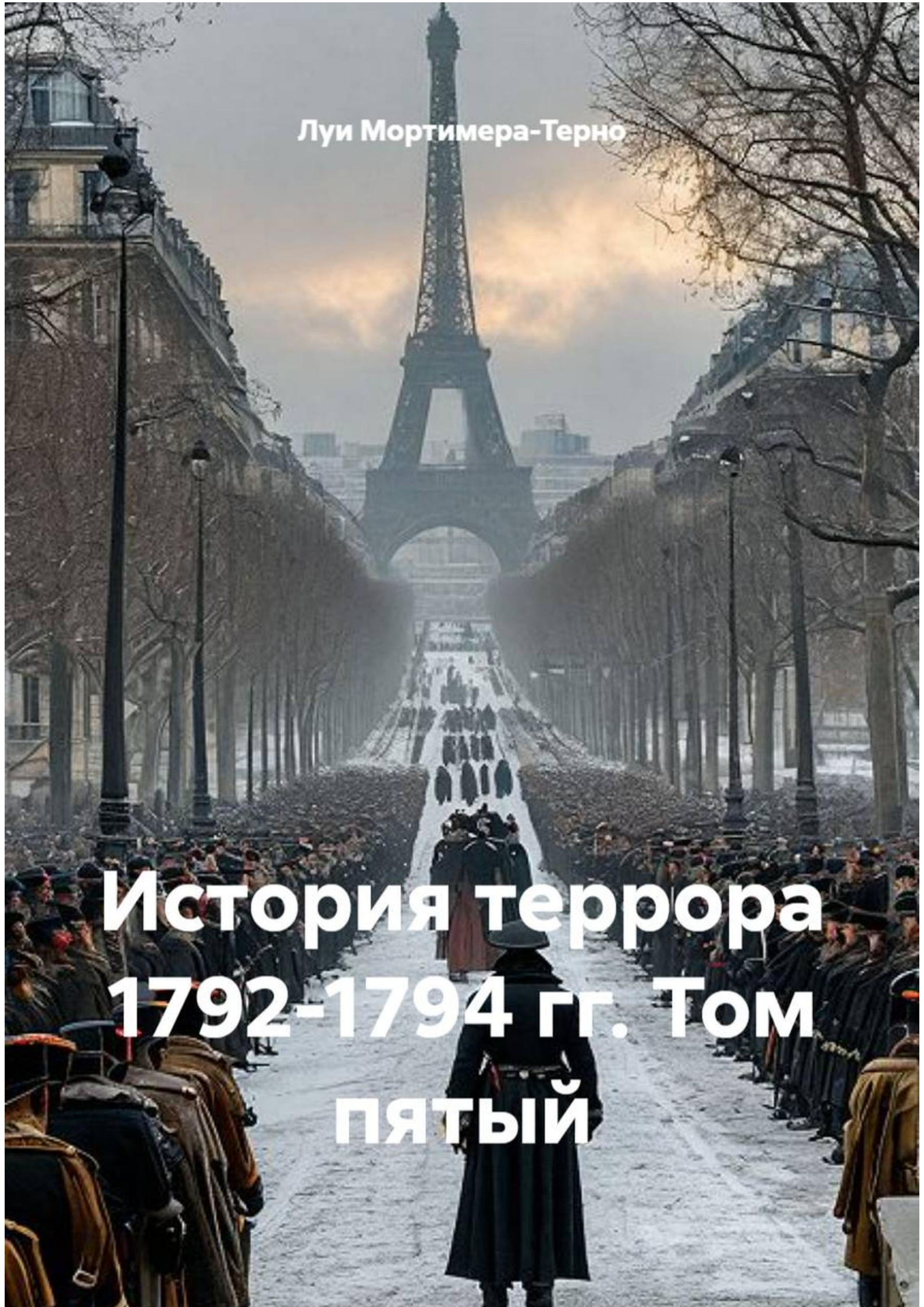

Луи Мортимера-Терно

История террора 1792-1794 гг. Том пятый

Луи Мортимера-Терно

История террора
1792-1794 гг. Том пятый

«Автор»

2026

Мортимера-Терно Л.

История террора 1792-1794 гг. Том пятый / Л. Мортимера-Терно — «Автор», 2026

Пятый том охватывает переломный период Революции (осень 1792 — январь 1793). После победы при Жемаппе французские армии занимают Бельгию и Рейнские земли, но идеалы освобождения оборачиваются политикой аннексий. В Конвенте обостряется борьба между жирондистами и монтаньярами. Кульминация — суд над Людовиком XVI: поименное голосование, нарушение всех юридических норм, казнь короля 21 января. Мортимер-Терно показывает, как революция пожирает собственные принципы, а борьба партий под давлением парижской Коммуны приводит к гибели монархии и становится прологом к Террору. В приложениях — уникальные документы о «голодном заговоре», железном шкафе и переписке защитников короля.

© Мортимера-Терно Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к тому пятому.	5
КНИГА XIX. — АННЕКСИИ.	7
Примечания:	35
КНИГА XX. — ЭФЕМЕРНОЕ ТОРЖЕСТВО ЖИРОНДЫ.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Луи Мортимера-Терно

История террора 1792-1794 гг. Том пятый

Предисловие к тому пятому.

Пятый том монументального труда Луи Мортимера-Терно «История Террора 1792–1794» открывает перед читателем самую трагическую и переломную главу Французской революции. Если предыдущие тома были посвящены крушению монархии и нарастанию революционного кризиса, то этот том посвящен кульминации этого процесса — военному триумфу Республики, который парадоксальным образом стал прологом к установлению диктатуры и братоубийственной войне, а также суду и казни Людовика XVI, событию, навсегда разделившему французское общество и определившему ход мировой истории.

Автор, скрупулезный исследователь и страстный хроникер, с беспристрастием историка и драматизмом очевидца разворачивает перед нами панораму событий, охватывающих период с осени 1792 года по январь 1793 года. Это было время величайших надежд и величайших потрясений, когда молодая Республика, только что отразившая вторжение интервентов, сама перешла в наступление, неся на штыках идеи свободы, но одновременно закладывая основы для будущей тирании.

I. Военный триумф и его последствия

Книга открывается картиной блестящих военных побед. Победа при Жемаппе (6 ноября 1792 года), которую Мортимер-Терно описывает с эпическим размахом, стала не просто военным успехом, но и политическим манифестом. Армии Республики, возглавляемые генералом Дюмуре, вступают в Бельгию не как завоеватели, а как освободители, обещая народам Европы свободу и братство. Автор подчеркивает контраст между этим благородным порывом и тем, как он был извращен: идея освобождения народов стремительно трансформируется в политику аннексий и революционного экспансионизма. Декрет от 15 декабря предписывал повсеместное ниспровержение старых порядков, что, по мнению Мортимера-Терно, стало началом конца для той искренней симпатии, которую испытывали к французам бельгийцы и другие народы. Этот раздел показывает, как революционная логика войны, расширяя границы, неизбежно порожидала конфликт между идеалами и реальной политикой.

II. Жиронда против Горы: предвестники гражданской войны

Центральной темой тома является обострение борьбы между двумя главными политическими силами Конвента — жирондистами и монтаньярами (Горой). Мортимер-Терно детально анализирует хрупкое равновесие, которое было нарушено в процессе над королем. Жиронда, представленная такими ораторами, как Верньо, Бриссо и Гаде, пыталась отстоять принципы верховенства закона и суверенитета народа, призывая к апелляции к народу по вопросу о наказании Людовика XVI. Гора во главе с Робеспьером и Сен-Жюстом, напротив, требовала немедленной казни как «меры общественной безопасности», видя в жирондистах предателей и «государственных мужей», которые хотят остановить революцию на полпути.

Автор показывает, как борьба за будущее Франции превратилась в смертельную схватку личностей и амбиций. Он не скрывает своего восхищения мужеством жирондистов, которые пытались защитить короля, но в то же время обнажает их фатальную ошибку: будучи в начале сессии Конвента большинством, они не смогли воспользоваться этим, проявив нерешительность и внутреннюю раздробленность. Напротив, монтаньяры, сплоченные железной дисциплиной и поддержкой парижской Коммуны, сумели навязать свою волю.

III. Суд над королем: юридическая и нравственная катастрофа

Наиболее драматичная часть тома посвящена процессу Людовика XVI. Мортимер-Терно представляет читателю не только юридическую, но и нравственную дилемму этого события. Детально излагая аргументы защиты (де Сез, Мальзерб, Тронше) и обвинения, автор подчеркивает, что Конвент, приняв на себя функции суда, нарушил все мыслимые правовые нормы: от принципа неприкосновенности монарха до элементарных правил судопроизводства, включая необходимость квалифицированного большинства для вынесения смертного приговора.

Особый интерес представляет описание поименного голосования, ставшего своеобразным театром абсурда и ужаса. История будет судить не только короля, но и его судей, утверждает Мортимер-Терно. Поэтапно разбирая голоса, он показывает, что решение о казни было принято лишь минимальным большинством и под чудовищным давлением улицы. Этот эпизод становится для автора символом того, как революция, пожирая своих собственных детей, начинает с ниспровержения принципов, во имя которых она и была совершена.

IV. Париж под властью коммуны и «безумных»

Пятый том также содержит ценнейшее описание повседневной жизни революционного Парижа. Мортимер-Терно анализирует, как власть на улицах и в секциях перешла к радикальным элементам. Обновленная Коммуна, в которой ключевую роль играли такие фигуры, как Эбер и Шометт, становится инструментом давления на Конвент. Автор с тревогой отмечает, как свобода печати и свобода театров, эти завоевания Революции, попираются новыми диктаторами. Знаменитый эпизод с пьесой Лайя «Друг законов», запрещенной Коммуной, служит яркой иллюстрацией этого процесса: те, кто еще вчера требовал свободы слова, сегодня насаждают новую нетерпимость, ставя на повестку дня борьбу с «модерантизмом».

V. Казнь: финал и начало

Последняя, двадцать пятая книга тома описывает последние дни и часы жизни Людовика XVI. Мортимер-Терно с почти протокольной точностью воспроизводит эту трагедию, передавая величие духа обреченного монарха, его прощание с семьей и мужество на эшафоте. Казнь 21 января 1793 года стала не просто смертью человека — она стала символическим разрывом с прошлым и началом новой эпохи террора, которая будет подробно описана в следующих томах.

В заключительной части автор подводит неутешительный итог: казнь короля не укрепила Республику, а, напротив, расколола ее и спровоцировала новую волну войн. Судьи, приговорившие Людовика к смерти, сами оказались заложниками той силы, которую разбудили. Многим из них, как иронично замечает Мортимер-Терно, предстояло либо самим взойти на эшафот, либо закончить свои дни в неизвестности, предав идеалы своей юности.

Таким образом, пятый том «Истории Террора» — это захватывающее и глубокое повествование о том, как революция, достигнув апогея своего могущества, вступила в полосу самоуничтожения. Это книга о силе и слабости, о добродетели и подлости, о том, как благородные идеалы превращаются в фанатизм, а вера в закон — в войну всех против всех.

КНИГА XIX. — АННЕКСИИ.

I. Вступление Дюмуре в Бельгию. — Жемапп, 6 ноября 1792 года. — II. Сообщение о победе Конвенту. — Марат нападает на победителя. — III. Завоёванная Бельгия. — IV. Кюстин в Майнце. — Его донос на Келлермана. — V. Угрозы в адрес Женевы. — Монтескью объявлен вне закона. — VI. Движение за присоединение в Савойе. — VII. Включение Савойи в состав Франции, 27 ноября. — VIII. Дюмуре и Паш. — IX. Революционное обновление бельгийских и льежских администраций. — X. Декрет от 15 декабря об аннексиях. — XI. Ансельм в Ницце. — Экспедиции в Онелью, Сардинию и Неаполь.

I

В тот самый день, когда Дюмуре присоединился в Валансьене к той части своей армии, которая только что одержала победу при Вальми, исполнительный совет принял постановление следующего содержания:

Совет, обсуждая положение Республики в связи с войной, предпринятой ею против коалиции деспотов;

принимая во внимание, что тщетны были бы патриотизм граждан, доблесть солдат и искусство генералов, отбросивших вражеские армии за пределы границ, если бы те могли, обосновавшись в сопредельных странах, безопасно там усиливаться и безнаказанно готовить средства для непрерывного возобновления своего пагубного вторжения;

принимая во внимание, что всякое решение, великодушное и необходимое для чести, равно как и для безопасности Республики, не может не быть одобрено нацией и Национальным конвентом: постановляет, что французские армии не сложат оружия и не расположатся на зимние квартиры до тех пор, пока враги Республики не будут отброшены за Рейн[1].

Дюмуре был готов привести в исполнение это постановление, столь верно выражавшее чувства, воодушевлявшие всю нацию. Он заранее сделал все распоряжения: корпус, находившийся непосредственно под его рукой, насчитывал сорок тысяч человек; справа от него Валанс должен был выступить на Намюр с шестнадцатью тысячами бойцов, тогда как слева генерал Ла Бурдонне должен был наступать от Лилля на Турне с корпусом примерно равной численности.

В момент вступления на территорию Австрийских Нидерландов Дюмуре выпускает два воззвания: одно — к бельгийскому народу, другое — к своим солдатам.

«Мы вступаем на вашу землю, — говорится в первом, — чтобы помочь вам посадить древо свободы, нисколько не вмешиваясь в то, какую конституцию вы пожелаете принять... Проникнитесь полным доверием к Французской республике и к армиям, которые она посылает вам на помощь! Мы будем уважать вашу собственность и ваши законы... Соедините ваше оружие с нашим. Лишь бы вы установили суверенитет народа и отказались жить под властью каких бы то ни было деспотов, и мы будем вашими братьями, вашими друзьями, вашей опорой».

«Генералы, офицеры, солдаты, гордые республиканцы, — восклицает во втором защитник Аргонн, — все вы, мои храбрые товарищи, мы вступаем в Бельгию, чтобы отбросить варварских врагов и вероломных эмигрантов и изгнать их. Войдём в эти прекрасные провинции как друзья, как братья, как освободители; проявим милосердие к военнопленным и братство к жителям страны[2]».

Оба этих весьма искусных воззвания были встречены бельгийцами и армией с величайшим одобрением. В особой инструкции Дюмуре запретил подчинённым ему генералам какое-либо вмешательство в вопросы налогов и управления; он предписал им следить за тем, чтобы их войска не бесчестили себя грабежами и беспорядками[3].

Наконец, чтобы убедительно доказать бельгийцам, что австрийское господство не хотят заменять французским, народные представители, находившиеся при Северной армии, открыто заявили, что считают свои полномочия прекращающимися на границе. Они написали Кон-

венту: «Мы сочли, что не должны следовать за победоносной армией в Бельгию, дабы не придавать экспедиции своим присутствием характер политического вторжения и не нарушать даже косвенно принцип суверенитета народов». Национальное собрание встретило это письмо с живейшим энтузиазмом и присоединилось к чувствам, его продиктовавшим, объявив формальным декретом, что миссия его комиссаров окончена. Конвенту недолго суждено было оставаться при этом столь же мудром, сколь и великодушном образе действий.

Комиссары, покидая Дюмурье, обещали ему, что все нужды его армии будут щедро удовлетворены; но они не учли военного министра Паша. Бывший сотрапезник Ролана расстроил все бюро и все отрасли внутренних и внешних служб своего ведомства, уволив служащих и агентов, привычных к военным делам, и заменив их якобинцами из числа своих друзей. Те менее думали об удовлетворении насущных нужд армий Республики, чем об обогащении за счёт Франции и захваченных стран. Паш, во время проезда Дюмурье через Париж, гарантировал ему немедленную поставку тридцати тысяч пар башмаков, двадцати пяти тысяч одеял, лагерного имущества на сорок тысяч человек и, главное, двух миллионов звонкой монетой, предназначенных для выплаты жалованья солдатам. Дюмурье ждёт до конца октября исполнения этих обещаний; он вынужден выступить в поход, не получив и половины того, что ему должны были прислать.

Первое столкновение с неприятелем ознаменовалось неудачей для нашего оружия. Авангардом командовал Бернонвиль, в составе которого находился батальон бельгийских и льежских изгнанников. Те, едва завидев австрийские мундиры, бросаются на врага, штыками выбивают его из деревни Тюлен и преследуют по дороге на Монс. В своём пылу они не принимают мер предосторожности и не обеспечивают себе артиллерийскую поддержку, ввязываясь в бой на открытой равнине без прикрытия. Имперцы вскоре замечают численную слабость преследующего их отряда; один из их гусарских полков разворачивается, окружает и рубит неосмотрительных; четыре роты бельгийского батальона вынуждены сложить оружие.

Эта неудача в начале кампании, если её не исправить немедленно, может внести уныние во французские ряды. Бернонвиль, вынужденный отступить, получает вместе с подкреплениями приказ тотчас отбить у австрийцев оставленные деревни. 4 ноября, благодаря стремительному манёвру генерала Эгалите — так называли тогда герцога Шартрского, будущего короля Луи-Филиппа, — неприятель вынужден оставить деревни Монтрёй и Тюлен и отойти за лес Сар, к мельнице Боссю, оставив около ста пятидесяти убитых и двести пленных, тогда как этот реванш стоил французам не более двадцати убитых и раненых[4].

Герцог Саксен-Тешенский сосредоточивает свои силы на высотах, амфитеатром раскинувшихся перед Монсом. Он может выставить лишь двадцать пять — двадцать восемь тысяч человек против сорока тысяч, которыми командует Дюмурье; но позиция, им занимаемая, уже чрезвычайно сильная сама по себе, только что была снабжена самыми энергичными средствами обороны; от предместья Бертеймон до Караньона она господствует над холмами, на которых расположены деревни Кем и Жемапп; крутые склоны, леса, засеки, четырнадцать редутов, грозная артиллерия делают подступ к ней почти невозможным; тирольские стрелки заполняют леса, простирающиеся ниже высот, и могут вести огонь под прикрытием; сильная кавалерия, расположенная в промежутках между каре, готова обрушиться на французов, которых одновременно должен поражать огонь батарей, установленных ярусами.

6 ноября на рассвете бой начинается оживлённой канонадой, продолжающейся до десяти часов. На оконечности австрийских линий деревня Караньон захвачена генералом Тувено, который таким образом исправляет промедления Бернонвиля и вялость Феррана. Австрийцы отступают к Жемаппу, преследуемые по пятам нашими пехотинцами.

В полдень Дюмурье даёт сигнал к фронтальной атаке. Пехота, разделённая на колонны и поддерживаемая гусарами и драгунами, устремляется вперёд с неопишным воодушевлением. Несмотря на очень оживлённый огонь тирольских стрелков, она почти без потерь и в добром

порядке доходит до вражеских батарей. Но центр слишком выдвинулся вперёд по сравнению с правым крылом, продвижение которого было остановлено ядрами, летящими из Кема; внезапная вылазка австрийской кавалерии, стоявшей в проходе между Жемаппом и Кемом, вызывает в наших колоннах колебание, которое может иметь серьёзные последствия. К счастью, верный слуга Дюмуре Батист Ренар замечает опасность, бежит к генералу Друэ, чья бригада подаётся назад, упрекает его в нерешительности и, голосом и жестом воодушевляя солдат, возвращает их вперёд[5]. Генерал Эгалите увлекает за собой несколько батальонов, которые остановились, собирает их в большую колонну, которой он весело даёт имя «Батальон Жемаппа», восстанавливает бой и почти единым броском преодолевает три яруса редутов и укреплений[6].

Тем не менее атака правого крыла на Кем, казалось, не удавалась. Бернонвиль, после тщетных усилий, был даже близок к отступлению, когда Данпьер, покинув командуемый им корпус, бросается с несколькими солдатами в редут, преграждающий путь французскому правому крылу. Дюмуре прибегает и кричит солдатам, которые колеблются последовать за бесстрашным Данпьером: «Вам нечего бояться, ваш отец во главе вас!» — сам запекает Марсельезу, солдаты Бернонвиля подхватывают её хором; редуты атакованы и вскоре взяты.

Левое крыло уже миновало Жемапп, центр овладел высотами, враг видит себя обойдённым; он бежит во все стороны в величайшем беспорядке; около четырёхсот австрийцев тонут при переправе через небольшую речку Энну.

Хотя сражение длилось лишь два часа, оно страшно утомило французскую армию, которая уже четыре дня стояла биваком и вела бои; в тот день солдаты ещё ничего не ели. Необходимо было дать ей отдых. Дюмуре был вынужден предоставить некоторую передышку австрийцам, которые, впрочем, ночью оставили Монс и продолжили отступление к Брюсселю, не подвергаясь сильному преследованию.

II

Потери имперцев составляли четыре тысячи человек; французов — две тысячи, из которых тысяча сто выбывших из строя. Важная с военной точки зрения, победа имела ещё большее значение в политическом отношении. Европа встревожилась, узнав подробности сражения, в котором добровольцы, многие из коих впервые видели огонь, бросили вызов грозной артиллерии и с неслыханной дерзостью взобрались на редуты. Отразив захватчиков со своей территории, не собиралась ли Франция теперь сама вторгнуться в государства своих противников, низвергнуть все старые династии, как она низвергла династию Людовика XIV, обратить все народы в новые доктрины?

Дюмуре известил Конвент о своей победе письмом, полным воодушевления.

Привёзший его адъютант Ларю представил собранию героя дня, Батиста Ренара. Все захотели услышать из его собственных уст рассказ о его подвигах. «Он, — сказал Ларю, — сплотил пять эскадронов и четыре батальона и первым с саблей в руке бросился в укрепление, которое и взял. — Чего вы хотите в награду? — спросил его Дюмуре. — Чести носить национальный мундир».

При этих словах зал огласился многократными рукоплесканиями. Ларю обнимает Батиста, новые рукоплескания; несколько ораторов поочерёдно берут слово и оспаривают друг у друга честь прославить столь прекрасный подвиг храбрости; единогласно принимается следующий декрет:

«Национальный конвент постановляет, что гражданин Батист Ренар, сплотивший драгунский полк и четыре батальона добровольцев в бою при Монсе, получит братский поцелуй председателя Конвента; что он будет вооружён, экипирован и посажен на коня за счёт Республики; что военный министр уполномочит генерала Дюмуре предоставить ему место в его армии».

Когда декрет был прочитан и торжественно оглашён, председатель от имени всего Собрания обнимает Батиста и Ларю. Жан Дебри предлагает, чтобы 6 ноября — день, когда французы

выиграли первое регулярное сражение ради освобождения народов, — было отмечено национальным праздником.

Ласурс возражает против предложения Жана Дебри, ибо, по его мнению, не следует устраивать праздник для одной лишь армии, для одного лишь дня:

«Подождите, — восклицает он, — подождите, пока торжество свободы не станет полным и прочным, пока все тираны не будут повержены, пока все соседние народы, освобождённые мужеством французов, не вознесут благодарность Республике. Тогда вы отпразднуете мир вселенной!»

— «Никаких праздников, когда погибли люди, — прибавляет Барер, — вы праздновали завоевание Савойи, оно не стоило слёз... Но здесь погибло четыре тысячи человек... Ибо австрийцы — люди; нет лишь царей, которые не принадлежат к человеческому роду. Французы тоже погибли, а вы хотите праздника!.. Я возражаю, я требую лишь скромного надгробного памятника».

— «Конечно, погибли люди, — восклицает Верньо, — но всё же это торжество свободы... Остережёмся метафизических отвлечённостей... Природа дала людям любовь к славе и отечеству, страсть к свободе. Законодатели, надобно поддерживать эти благородные страсти; горе политикам, которые пренебрегают питанием этого священного огня!.. Самая действенная пища для его оживления — это народные праздники. Вспомните федерацию 1790 года... Пойте же, пойте победу, которая есть победа человечества. Погибли люди, но для того, чтобы люди больше не гибли. Клянусь во имя всеобщего братства, которое вы установите, каждый ваш бой будет шагом к миру, человечности и счастью народов».

Предложение Верньо принимается в следующей редакции:

«Национальный конвент постановляет, что будет отпразднован национальный праздник в честь успехов армий Республики; поручает исполнение комитету народного просвещения».

На другой день после победы при Жемаппе едва ли нашёлся хоть один человек, который не разделял бы всеобщего ликования. «Друг народа» почитал за честь никогда не думать, как другие, и поносить всё, что чтили. Он принялся греметь против увлечения французов и утверждать, что Дюмуре победил неправильно. «Прославленный генерал, — писал он в своём „Журнале Республики“ 12 ноября, — солгал о числе убитых. Если он, выступив без обозов и без артиллерии, атаковал высоты, уставленные пушками, то рискнул этой дерзкой выходкой главным образом для того, чтобы подставить под картечь парижские батальоны, которые он преследует своей ненавистью». То, что французы, конвентские депутаты и сами якобинцы восхищались Дюмуре и его сражением, его мало удивляло, ибо он знал легкомыслие национального характера. Сам же он видел, что австрийцы ушли слишком спокойно, чтобы быть столь основательно разбитыми. Он не признает Дюмуре хорошим генералом, пока вся Бельгия не будет завоёвана и ни один враг не ускользнёт. Пока же он полагал, что служит отечеству, продолжая считать Дюмуре одним из тех интриганов и отъявленных мошенников, всегда готовых к козням, которых народное недоверие должно постоянно окружать, не позволяя им сделать ни шагу, не трепеща от страха быть разоблачёнными и наказанными[7].

В ответ на мараитистский пасквиль друзья Дюмуре явились 14 ноября на трибуну Конвента и прочли письмо, которое генерал писал военному министру 30 октября, за шесть дней до сражения при Жемаппе.

«Как философ и как добрый республиканец, — говорил там защитник Аргонн, — я проникнут необходимостью сохранять равенство между гражданами. Как только эта война закончится, я хочу быть свободным и не занимать никакой должности. Чем важнее будет роль, которую я сыграю во время войны, тем более нация и её представители должны одобрить это отречение и даже должны были бы сделать из него закон, если бы я сам его не предложил».

Эта бумага была бы просто-напросто передана в военный комитет, если бы Жансонне не потребовал передать её в комитет по конституции, дабы он мог рассмотреть вопрос: «Не следует ли сделать отречение генералов конституционной статьёй?»[8]

Что означало это подчёркнутое бескорыстие со стороны Дюмуре, который уж конечно не имел намерения «вешать свою шпагу на крюк», как он выразился в другой части письма? Чего хотел этим торжественным предложением Жансонне, близкий друг и один из доверенных лиц этого генерала?

Нельзя приписать эту двойную декларацию принципов, исходящую от подобных людей, ни опьянению необдуманного энтузиазма, ни подозрительности недоверчивой демократии. К чему же должна была привести эта комедия? Трудно догадаться на расстоянии семидесяти лет, поскольку ни с той, ни с другой стороны ей не было дано никакого продолжения.

III

Дюмуре совершил 7 ноября торжественный въезд в город Монс. Уже на следующий день комитет бельгийцев и льежцев, два года проживавших во Франции и вернувшихся вслед за французской армией, созвал народное собрание. Тотчас было избрано временное управление, и на первом же своём заседании оно приняло следующую декларацию:

«Во имя суверенного народа:

мы объявляем перед лицом неба и земли, что все узы, связывавшие нас с Австрийско-Лотарингским домом, разорваны; мы клянёмся никогда не возобновлять их и не признавать за ним никакого права на суверенитет Бельгии, ибо мы желаем возвратить себе наши первоначальные, неотъемлемые и неотчуждаемые права...»

В тот же вечер собралось народное общество, принявшее название «Общества друзей Свободы и Равенства города Монса» и поспешившее присоединиться к всемогущему обществу якобинцев Парижа. Дюмуре, разумеется, присутствует на первом заседании; к нему, естественно, обращена официальная речь; он отвечает, заверяя в своей беззаветной преданности возвышенному делу народов, и заявляет, что с признательностью принимает поднесённый ему гражданский венок[9].

Дав солдатам четыре дня отдыха, Дюмуре покидает Монс 11-го. 12-го он располагается лагерем в Ангьене; после удачного боя при Андерлехте он вынуждает австрийцев отойти через Лувен на Тирлемон. 14-го Брюссель открывает ему ворота; магистраты приносят ему ключи от города. На их официальное приветствие Дюмуре отвечает: «Граждане, оставим эти церемонии; храните свои ключи сами и храните их хорошо. Не позволяйте более никакому чужеземцу господствовать над вами. Вы не созданы для этого; соедините ваших граждан с нашими, чтобы изгнать немцев. Мы ваши друзья и братья».

Тем временем оба крыла французской армии продвигались согласно условленному плану, но с весьма разной быстротой. Справа Валанс, который ещё более, чем Дюмуре, пострадал от нехватки припасов, смог выступить лишь в первых числах ноября. 8-го он был ещё в Живе; 10-го занял Шарлеруа; 20-го — город Намюр. Слева у Ла Бурдонне задача была легче. Вся Фландрия была оставлена австрийскими войсками вследствие их сосредоточения к Маасу. Турне, Нивпорт, Ипр, Фюрн, Остенде, Брюгге, Гент с восторгом встречали французские авангарды, едва те появлялись. Подчинённый Дюмуре в несколько дней и без единого выстрела стал полным хозяином всей равнинной страны.

При известии об этих успехах исполнительная власть, опасаясь, как бы победоносный генерал не почил на лаврах, подписала 16 ноября новое постановление, лишь подкреплявшее принятое тремя неделями ранее:

«Временный исполнительный совет, обсуждая нынешнее состояние войны, в особенности в Бельгии; принимая во внимание, что врагам Республики не должно давать никакой передышки и что надобно употребить все средства, дабы разбить и уничтожить их армии прежде,

чем они успеют усилиться и вновь напасть либо на Францию, либо на те самые страны, куда французские армии принесли свободу;

постановляет, что во исполнение решения от 24 октября сего года будут отданы приказы генералу, командующему экспедицией в Бельгию, продолжать преследование неприятельских армий, даже на голландской территории, если они туда отступят.

РОЛАН, ГАРА, ПАШ, ЛЕБРЕН, КЛАВЬЕР, МОНЖ, ГРУВЕЛЬ, секретарь».

Австрийская армия была ослаблена дезертирством в значительных размерах[10]. Она насчитывала уже не более 15–18 тысяч человек. Тем не менее она в добром порядке отступала к Маасу и уступала землю лишь шаг за шагом. Герцог Саксен-Тешенский просил у Дюмуре перемирия; но генерал поспешил ответить, что его инструкции не позволяют принимать подобные предложения и что он может лишь направить их в Конвент. Конвент с пренебрежением перешёл к очередным делам по предложениям бывшего губернатора Нидерландов[11]. Дюмуре вновь пустился преследовать врага. После двух довольно жарких стычек — первой у Тирлемона, второй у Вару — он вступил в Льеж, а несколько дней спустя — в Ахен (8 декабря).

IV

Пока австрийцы отбрасывались за Маас и были почти прижаты к нижнему Рейну, что случилось с Кюстином, которого мы оставили на марше к Майнцу[12]?

В этом городе стоял гарнизон в девять тысяч человек, сильно обрабатываемый — и солдаты, и генералы — немецкими пропагандистами, которые уже давно устроили в этом городе свою главную квартиру. Кюстин подходит 19 октября к Майнцу с 24 тысячами человек; но у него нет ничего, что необходимо для правильной осады. Тем не менее он требует от губернатора, барона фон Гиммиха, сдать крепость. Тот созывает гражданский и военный совет, на котором подполковник инженерных войск Эйкенмайер, горячий сторонник французов, высказывается за сдачу. Она решена, и 21-го Кюстин торжественно вступает в Майнц.

Но вместо того, чтобы продолжать спускаться по левому берегу Рейна, решительно двигаясь на Бинген, вместо того, чтобы овладеть течением Лана и Мозеля и преградить путь австро-прусской армии, Кюстин совершает самую невероятную ошибку: в тот же день, 21-го, он отправляет свой авангард под командованием генерала Нёвингера и полковника Ушара через Рейн с вылазкой на Франкфурт. После недолгих переговоров с магистратами имперской республики французы вступают туда 22-го, в три часа пополудни. Тотчас генерал, под предлогом, что вольный город оказывал помощь и служил убежищем французским эмигрантам, объявляет себя вправе поступить с ним как с врагом. Он требует, в качестве возмещения и под угрозой военной экзекуции, контрибуцию в два миллиона флоринов. Уже 23-го ему выплачивают аванс в 300 тысяч ливров. Нёвингер велит расклеить прокламацию, дабы успокоить народ и буржуазию, которым не следует тревожиться из-за контрибуции, лежащей исключительно на светских и церковных аристократов территории Республики. Когда регентство Франкфурта попыталось добиться осуждения поведения генерала Нёвингера, Кюстин сначала соглашается уменьшить контрибуцию с двух миллионов до одного миллиона флоринов. Но вскоре, узнав, что магистраты ищут требуемые деньги посредством общего налога, он лично приезжает, дабы, по его словам, покарать аристократию богатства. Он восстанавливает первоначальную сумму принудительной контрибуции, изымает шесть миллионов, лежавшие в двух банкирских домах, принадлежавших австрийцам и пруссакам, и выпускает новую прокламацию: «Жители Франкфурта! Сообщаю вам, что эту контрибуцию уплатит один лишь богач, и всякий, кто не владеет собственностью в 30 тысяч флоринов, будет от неё освобождён... Я пришёл в Германию, чтобы предложить народу союз с Французской республикой и дать понять угнетателям, что французы, став свободными, имеют лишь одно желание, одно стремление — защищать слабого и внушить человеку, несправедливому в своём богатстве, что люди, рождённые равными в правах, не должны нести ярмо богача».

Эти подстрекательства, призванные вооружить немцев друг против друга, имели лишь весьма посредственный успех. Кюстин сам обратился с речью к черни предместья Заксенхаузен и не смог добиться от неё посадки древа свободы. Майнц, хотя и сильно обрабатываемый клубистами, не высказался за принятие французских учреждений. Главная община этого города, купечество, осмелилась даже, в присутствии французской армии, выразить пожелание сохранить союз с империей и курфюршеское правление, смягчённое более влиятельным участием сословий.

Кюстин, как мы уже отмечали, полностью отбросил план, начертанный ему военным министром, отделив свою армию от армии Бирона. Вследствие неисполнения этого плана прусский король и ландграф Гессенский смогли, покинув французскую территорию, беспрепятственно добраться до Кобленца. Ошибка была серьёзной; Кюстин, чтобы ему её не поставили в вину, поспешил переложить ответственность на Келлермана, который не мог действовать в одиночку, имея в своём распоряжении слишком мало войск. 30 октября он отправил из своей главной квартиры в Майнце длинное письмо, начинавшееся так:

«Гражданин председатель,

в республике лишь добродетель и таланты должны давать право на доверие; долг всякого гражданина — обнаруживать истину, изобличать неспособность лица, облечённого общественными обязанностями, и тем более — командующего армиями; и если случай или доблесть войск доставили генералу некоторые успехи, они не должны служить покровом его невежеству или трусости. Исходя из этих правил, я объявляю Келлермана недостойным звания генерала и ещё более недостойным руководить силами Республики».

Когда донос Кюстина был прочитан в Конвенте 9 ноября, Жан Дебри потребовал, чтобы переписка между двумя генералами не публиковалась, ибо эта несвоевременная огласка могла бы существенно повредить успеху последующих операций. Это предложение поддержали Керсен и Карра, и все бумаги по делу были переданы на рассмотрение соединённых комитетов общей безопасности и военного. Но исполнительная власть, считавшая, что ни в чём не может отказать генералу Майнцской армии, без колебаний в тот же день постановила отозвать Келлермана[13].

Тот в момент отправки ему этого приказа сообщал председателю Национального конвента, что Кюстин только что прислал ему с чрезвычайным курьером копию своего пасквиля, и прибавлял: «Льщу себя надеждой, что Конвент рассудит, как и я, что этот донос мог быть продиктован лишь припадком безумия или хмелем». Высмеяв Кюстина за его мнимые военные познания, он уверял, что кампания может быть с пользой возобновлена лишь в январе, когда враги разойдутся по зимним квартирам, а его собственные войска отдохнут и пополнят запасы.

Надобно признать: Келлерман, располагавший лишь 15 тысячами человек с тех пор, как Валанс покинул его для усиления Бельгийской армии, подверг бы себя почти верной гибели, если бы двинулся прямо на врага. Ибо речь шла не более и не менее как о преследовании по ужасным дорогам армии, в три-четыре раза превосходившей его собственную, и притом в самый момент, когда среди его войск началась дизентерия, вынужденных стоять лагерем без соломы и без укрытия, лишённых всего и едва способных добывать себе ежедневное пропитание.

Но в Париже судили иначе. Кюстин пользовался народной благосклонностью и совершенно особым уважением общества якобинцев. Его ежедневное бахвальство принималось как догмат веры; его донесения, в которых он сообщал, что взыскал такую-то сумму налога с такого-то города, обложил контрибуцией такого-то мелкого князя или богатое аббатство, встречались громом рукоплесканий.

Ничто не могло поколебать полного доверия, внушаемого счастливым победителем Майнца, — ни безрассудства, совершаемые им, когда он отправлял свои лёгкие войска до Гиссена, на восемь-десять лье дальше Франкфурта, не имея никакой возможности их поддер-

жать, ни очевидность плачевного действия, которое его победы производили в Германии. 14 ноября магистраты Франкфурта, делегированные городом, явились к барьеру Национального конвента. В прочитанной ими петиции они излагали, что французский генерал был введён в заблуждение, когда упрекнул их сограждан в покровительстве эмигрантам и в допущении издания враждебной революции французской газеты. Франкфурт — свободное государство, город, открытый людям всех стран и всех сословий. Французские эмигранты и не-эмигранты могли поэтому там жить и пребывать. Свобода печати существовала там прежде, чем была провозглашена во Франции; никто не мог и не может поэтому запретить там издание какой бы то ни было газеты, аристократической или демагогической. Франкфуртцы всегда соблюдали строжайший нейтралитет по отношению к Франции и вправе получить назад исторгнутую у них контрибуцию[14].

Популярность Кюстина не пошатнулась даже из-за затянувшегося пребывания в Майнце и вынужденного бездействия перед врагом, чьим силам он по своей неловкости позволил сосредоточиться. Он писал из своей главной квартиры в Узингене 10 ноября: «Медлительность генерала Келлермана внушает нашим врагам замысел заставить меня оставить Франкфурт и запереться в Майнце. Хотя я мало верю их бахвальству и хвастовству, я счёл необходимым для достоинства французской нации выступить навстречу тем, кто похвалялся заставить нас покинуть Франконию[15]». Сказав это, Кюстин настоятельно требовал подкреплений; но ещё до этого последнего требования военный министр отдал приказ направить к Майнцу 12 тысяч человек из крепостей, охраняемых Бироном. Это значило чрезмерно ослабить последнего и тем самым усвоить, ещё более усугубляя, безрассудство Кюстина. Приказы министра были точны, и Бирон с рыцарским самоотречением поставил себе в честь немедленно им подчиниться.

Отправляя свои лучшие полки тому, кто ещё несколько недель назад был его подчинённым, он писал ему 9 ноября: «Друг мой, все войска армии, которой я командую, в вашем распоряжении; все приказы, какие вы мне направите, будут неукоснительно исполнены; клянусь, что это распоряжение министра не причиняет мне лично ни малейшей досады и что все способы содействовать вместе с вами успеху оружия Республики не перестанут быть мне приятны[16]». Однако в конце письма Бирон приоткрывал свою подлинную мысль и справедливо отказывался от всякой солидарности в новых безрассудствах своего прежнего подчинённого. «Вы понимаете, дорогой друг, — говорил он, — что я должен по справедливости перестать отвечать за безопасность верхнего Рейна и его крепостей, ибо другой может распоряжаться войсками, там находящимися; я сообщаю об этом министру и Национальному конвенту».

Письмо Бирона, прочитанное 14 ноября с трибуны, было, несмотря на содержавшуюся в нём заключительную оговорку, покрыто рукоплесканиями. Собрание распорядилось включить его в бюллетень и разослать в армии, в департаменты, всем генералам[17], в особенности тому, кого Кюстин только что обвинил с такой грубостью и кто по странному совпадению присутствовал на заседании Конвента.

Келлерман, вызванный в Париж Исполнительным советом, дожидался у барьера, чтобы Национальному собранию угодно было в тот самый день выслушать его объяснения и прощание: объяснения — потому что он не мог оставаться под тяжестью обвинений Кюстина; прощание — потому что Исполнительный совет, не осмеливаясь полностью им пожертвовать, только что назначил его главнокомандующим Южной армией.

«Представители французского народа, — сказал он, — Исполнительный совет вызвал меня в Париж, дабы я отчитался о своих действиях. Ваши комиссары, равно как и комиссары исполнительной власти, шаг за шагом следовали за мной в достопамятной экспедиции, только что завершившейся полным изгнанием врагов со священной территории Республики. Они видели, изменял ли генерал гражданской доблести, мужеству и терпению солдат; был ли потерян хоть один миг в преследовании врагов; наконец, упустил ли Келлерман, который уже

три года командует национальными армиями и непрестанно боролся против аристократии и лафайетизма, в последнее время принципы и достоинство солдата, республиканца в душе от рождения.

Предложенный мною план зимней кампании породил ошибку: сочли, что я хочу следовать этому плану вопреки Исполнительному совету, потому что я не помешал части прусской и гессенской армий двинуться на Трир и Кобленц. Но как было опередить по меньшей мере 30 тысяч человек, имевших три или четыре перехода впереди меня, с армией, утомлённой до крайности, терпящей во всём недостаток и уменьшенной наполовину вследствие отделения армии генерала Валанса, двигавшейся в противоположном направлении, к Живе? Однако, несмотря на все эти препятствия и не получив точных приказов Исполнительного совета, я подчинился его плану кампании и двинулся к Саару.

Чтобы согласить справедливость с приличиями, меня назначили командовать Альпийской армией; я принял назначение и отправляюсь.

Теперь надобно отомстить за отечество за его пределами, уничтожив чужеземных тиранов... Вы направляете мои шаги к Востоку; вы приказываете французским солдатам ныне перейти Альпы, дабы освободить древний Рим от ига священников; мы перейдём их... Граждане, положитесь на старого солдата, который лучше умеет делать, чем говорить, и который будет возвещать вам о победах ваших армий тремя словами: они разбили врагов».

Председатель отвечает:

«Конвент с прискорбием увидел раздор, возникший между двумя генералами, равно драгоценными для Республики оказанными ими услугами. Отложите частные распри; вы прибавите к своей славе и к признательности отечества. Вы будете командовать Альпийской армией — это значит идти к новым победам. Французы не забывают, как и представители народа, навеки славных услуг, оказанных вами на равнинах, орошаемых Марной и Мозелем; если бы какой-нибудь гражданин вздумал напомнить, что вы не принесли свободу в Трир и Кобленц, всё отечество напомнило бы ему, без сомнения, ваши счастливые усилия для соединения армий и знаменитый день 20 сентября».

V

Что же произошло у Альп, если Исполнительный совет отстранил завоевателя Савойи Монтескью и заменил его Келлерманом?

10 августа и 2 сентября естественно испортили добрые отношения, которые в течение стольких веков существовали между Швейцарией и Францией. Кантоны не могли без негодования видеть, как старинные капитуляции обращаются в ничто, а их собственные дети истребляются парижской чернью. Враги Французской республики не преминули воспользоваться этими печальными событиями. Подстрекаемые прежде всего английским министром, кантоны Берн и Фрибур предложили общему сейму, собравшемуся в Аарау, взяться за оружие, дабы отомстить за швейцарских гвардейцев, перерезанных парижанами. К счастью, прочие кантоны воспротивились, и Конфедерация ограничилась вооружённым нейтралитетом; но поскольку занятие левого берега Женевского озера непосредственно угрожало владениям кантона Берн в земле Во и союзной Швейцарии Женевской республике, у Ниона, на правом берегу озера, был устроен лагерь в 20 тысяч человек под командованием генерала Муральта. То был, правда, лишь наблюдательный и оборонительный лагерь, по словам гельветического корпуса, желавшего принять меры предосторожности на случай, если воюющие стороны предпримут что-либо против Швейцарии или её союзников.

Городу Кальвина, очевидно, приходилось более всех опасаться вмешательства французов в его внутренние дела; ибо было доподлинно известно, что женевец Клавьер, изгнанный из родной страны и ставший в Париже министром финансов, питает против аристократической партии, его преследовавшей, планы личной мести. Эта партия находилась в самых тесных

отношениях с магистратами кантонов Берн и Цюрих и добила от них помощи в 1 600 человек, которые вступили гарнизоном в Женеву.

Хотя даже в этом последнем обстоятельстве не было ничего противного прежним договорам, в Париже его сочли враждебным актом. Французский резидент г-н де Шатонёф покинул маленькую республику[18], а генерал Монтескью получил приказ как можно скорее двинуть против неё силы, достаточные для того, как гласили его инструкции, чтобы «обеспечить свободную власть друзьям свободы, коих там великое множество[19]».

Монтескью выдвинул небольшой корпус к Каружу, на самую границу Савойи, и другой — в область Же. Женева была укреплена, и взять её можно было лишь посредством правильной осады. Между тем, особенно зимой, эта осада могла повлечь за собой самые серьёзные последствия для операций французских армий. Стоило пренебречь нейтралитетом Швейцарии, как вся граница от Базеля до Женевского озера оказывалась открытой; армия Бирона на верхнем Рейне и армия Монтескью в Савойе могли быть поставлены под удар движением австрийцев на севере и пьемонтцев на юге[20].

Конвент, впрочем, по-видимому, не был расположен доводить дело до крайности. 9 октября он принял по докладу Майля обращение к тринадцати гельветическим кантонам с целью помешать им слушать советы Австрии. Французская республика дружески разъясняла своим братьям и союзникам мнимые заговоры Людовика XVI и события 10 августа.

«В тот день, — говорилось там, — заблуждение тех, кто повиновался в силу суровой дисциплины, не было смешано с вероломством офицеров, приказавших совершить преступление. Все солдаты, уцелевшие от первого огня необходимой обороны, получили блистательные свидетельства чувств доброжелательства и братства, соединяющих французскую нацию с гельветической. Мы свергли тиранию Бурбонов, как вы некогда свергли тиранию австрийцев, и это вам австрийцы предлагают стать соучастниками их ненависти к свободе! Французы не боятся лишнего врага; они сумеют устоять против усилий всех деспотов и всех народов, которые будут иметь низость служить их свирепым страстям... Но разве вы не видите, что наши враги — ваши враги?... Неужели ваше давнее недоверие к политическому поведению австрийского дома покинет вас в то время, когда великая борьба, только что завязавшаяся между деспотизмом и свободой, быть может, навсегда решит судьбу народов? Какому позору, какой опасности вы себя не подвергли бы, если бы, научив собственным примером новые народы тому, что они непрерываемо суверенны, вы вступились бы против свободной Франции за дело породы тиранов, которая всегда являла себя врагом всякого национального суверенитета? Недоверие Швейцарии не имеет оснований. Армии республиканской Франции угрожают лишь эмигрантам и аристократам; они хотят идти атаковать коалицию в самом её логове, но всегда будут уважать территорию нейтральных и союзных держав, всегда будут уважать частную собственность даже на той самой земле, которую попирают коронованные разбойники, и отомстят им лишь тем, что предложат свободу народам, которых они держат в угнетении[21]».

Монтескью добился от Государственного совета Женевы, чтобы швейцарские войска вышли из города не позднее 1 декабря и чтобы свободное сообщение между жителями Савойи и Женевой было восстановлено без промедления. Но такое решение не могло удовлетворить Клавьера и его друзей. Они громогласно заявляли, что Монтескью унижил достоинство Французской республики, согласившись на включение в договор статьи, в силу которой французские войска обязаны были отойти на десять лье от Женевы, когда швейцарский контингент покинет город. Уже 3 ноября Клавьер добился от своих коллег постановления, бросившего тень подозрения на всё поведение Монтескью в этом деле[22]. Затем он повёл атаку на генерала на другом поле: на подрядах, заключённых при вступлении в Савойю. Имея в своём распоряжении лишь половину материальных средств, необходимых для экспедиции, Монтескью уполномочил главного интенданта Венсана заключить договор на снабжение армии с неким евреем по имени Жакоб Бенжамен. Однако он позаботился прикрыть свою ответственность ответственным

ностью трёх комиссаров — Гаспарена, Руйе и Лакомба Сен-Мишеля, которых Законодательное собрание прислало к нему после 10 августа. Тем не менее Камбон 8 ноября выступил с обвинением подрядов Южной армии как мошеннических и потребовал немедленно вызвать Венсана и Жакоба Бенжамена к барьеру Собрания. По его предложению Конвент принял декрет, который, дабы пресечь все злоупотребления, какие могли бы пожелать прикрыть неприкосновенностью комиссаров Собрания, запрещал последним впредь санкционировать какие-либо исполнительные действия[23].

Камбон действительно говорил о привлечении Монтеस्कью к ответственности, но формально в этом смысле не заключал. Барбару, один из близких к домам Клавьера и Ролана, берёт это предложение на свой счёт. Его поддерживают Луве, Лакруа и Барер, и в тот же день Собрание постановляет, что комитеты общей безопасности и военный рассмотрят поведение генерала Монтеस्कью, а также соглашение, заключённое им с Женевской республикой, с тем чтобы уже завтра был представлен доклад[24].

9-го, в начале заседания, Конвент получает сообщение о новом договоре, заключённом между Монтеस्कью и делегатами Большого совета Женевы 2 ноября, в котором все статьи, задевавшие чувствительность исполнительной власти, были сглажены. Генерал, препровождая этот новый дипломатический документ, вновь настаивал, чтобы французское правительство сделало Швейцарии все уступки, совместимые с его достоинством; «ибо очевидно, — писал он, — что ничто не может лучше послужить интересам Пьемонта, чем наша распря с Гельвенией, когда весной он попытается взять реванш за понесённые им поражения». Доводы Монтеस्कью не должны были произвести никакого действия; он был осуждён заранее.

Несколько мгновений спустя после прочтения этих бумаг докладчик обоих комитетов Ровер представляет доклад, или, вернее, яростный пасквиль, в котором со смакованием и преувеличением перечисляет претензии, какие ультрареволюционеры могли иметь к главнокомандующему Южной армией. «Этот человек, — говорил он, — подобно Лафайету, покидал свою армию, чтобы явиться к барьеру Законодательного собрания с петициями и преувеличивать силы сардинского короля. Обладая правом реквизиции, он обрёк друзей свободы на бездействие. Когда ему не с кем было сражаться, он отказывался посылать подкрепления в лагерь при Шалоне и в Арденнскую армию. Он мог вступить в Савойю 15 августа, а вступил лишь 23 сентября; он растратил государственные средства в мошеннических подрядах; наконец, двумя соглашениями — от 22 октября и от 2 ноября, которые одно другого не лучше, — он выдал женевских патриотов военному деспотизму и аристократии». Вслед за этим докладом Ровер предлагает привлечь Монтеस्कью к ответственности; это немедленно декретируется.

В тот же день, чтобы обеспечить исполнение, военный министр отправляет в Южную армию надёжного агента Февра (из Арля). Тот прибывает в главную квартиру 18-го, в семь часов утра, тотчас идёт к старшему генерал-лейтенанту армии Дорнаку, предъявляет свои полномочия и требует арестовать того, кто ещё час назад был его начальником. Но, несмотря на всю поспешность, Февр (из Арля) прибыл слишком поздно. Монтеस्कью, без сомнения, получил ночью тайное предупреждение; на рассвете он сел на коня и исчез. Агент исполнительной власти рассылает курьеров во все стороны. Вскоре становится известно, что Монтеस्कью направился по женевской дороге. Февр тотчас едет туда и требует от французского резидента немедленно истребовать от имени Республики генерала Монтеस्कью. Шатонёф обращается к синдикам, которые после недолгих поисков сообщают ему, что опальный генерал отплыл по озеру в неизвестном направлении. Вернувшись в лагерь, Февр (из Арля) вынужден довольствоваться наложением печатей на бумаги генерала и арестом его адъютантов, секретарей и слуг.

В тот самый день (21 ноября), когда эти известия были переданы Конвенту, Бриссо от имени дипломатического комитета добивался фактического одобрения результатов последних дипломатических переговоров Монтеस्कью. Декрет, предложенный другом Клавьера, поручал исполнительной власти потребовать немедленной эвакуации Женевы швейцарскими вспо-

могательными войсками. Если бы эвакуация завершилась до 1 декабря, французские войска должны были уважать нейтралитет и независимость женеvской территории и покинуть её, если бы её заняли[25].

VI

Франция объявляла вне закона генерала, давшего ей Савойю, но сохраняла его завоевание.

В день прибытия в Париж депеши Монтеcкью, извещавшей, что Савойя принадлежит Франции и фактически, и сердцем, несколько голосов потребовали немедленно присоединить бывшее герцогство к Республике; но это предложение встретило весьма живое сопротивление. В течение первых двух-трёх месяцев своего существования, всякий раз как заходила речь о том, как надобно вести себя в странах, занятых французскими армиями, Конвент колебался между двумя противоположными течениями. Различие между жирондистами и монтаньярами исчезало. В обоих лагерях были сторонники и противники революционной экспансии и завоеваний. «Пусть Савойя останется вольной дать себе особое правление, если ей угодно», — восклицали Банкаль, Камиль Демулен и Луве. «Мы должны удержать Савойю, — возражал Лакруа; — Франция берёт на себя воспитание народов в свободе». А Дантон прибавил: «Я заявляю, что мы имеем право сказать народам: у вас больше не будет королей! Французы не могут допустить, чтобы народы, стремящиеся к свободе, дали себе правительство, противное их интересам, и чтобы, создавая себе королей, они беспрестанно доставляли нам новых тиранов для борьбы. Национальный конвент должен быть комитетом всеобщего восстания против всех королей вселенной».

Несмотря на восторженные рукоплескания трибун, Собрание не дало увлечь себя до декретирования включения этой ультрареволюционной статьи в новый кодекс международного права[26]. Оно благоразумно передало предложение в дипломатический комитет. Этот комитет не спешил обращать предложение Лакруа и Дантона в декрет. Поэтому комиссары при Альпийской армии — Дюбуа-Крансе, Гаспарен, Лакомб Сен-Мишель — ограничились тем, что в своей прокламации от 6 октября призывали жителей Савойи собраться в первичные собрания. Более того, поскольку по стране рассеялись эмиссары, более или менее уполномоченные всё там перевернуть, Временный исполнительный совет счёл нужным принять следующее постановление:

8 октября 1792 года.

«Вследствие известия, полученного Советом, что французы, именующие себя комиссарами некоей коммуны[27] и действующие от имени нации, появились в Савойе и в этом качестве вмешиваются в дела савойской нации, Временный исполнительный совет постановляет, что генерал Монтеcкью обязан с величайшей заботливостью следить, чтобы никто не вводил в заблуждение савойский народ, присваивая себе какое-либо политическое поручение, кроме исходящего от Национального конвента или от исполнительной власти. Сверх того он обязан:

1° довести настоящее извещение до всех магистратов и должностных лиц во всех частях Савойи;

2° если в французской армии появится лицо, выдающее себя за уполномоченного иными властями, нежели вышеуказанные, временно задержать его и тотчас донести Совету; всё это без ущерба праву и власти генерала пресекать по законам военной полиции все проступки, противные дисциплине и намерению Французской республики, обеспечивать безопасность лиц и сохранность имущества, а также независимость и политические права савойского народа.

КЛАВЬЕР, МОНЖ, ЛЕБРЕН, ГРУВЕЛЬ».

В ту эпоху полагали, что воспитывают народ посредством гражданских празднеств. Не проходило и месяца, чтобы не устраивали нового. Предлагали отпраздновать подобной церемонией завоевание Савойи. Но публицисты, утверждавшие, что слово «завоевание» отныне должно быть вычеркнуто из французского словаря, сильно восстали против этой мысли. Они

доказывали, что, поскольку народы обладают неотъемлемым суверенитетом и всегда должны быть свободны выбирать подходящее им правительство, невозможно праздновать завоевание Савойи, но следует праздновать освобождение савойского народа. Этот новый способ постановки вопроса получил всеобщее одобрение, и праздник был назначен на 14 октября[28].

Между тем движение в пользу аннексии обозначалось всё сильнее. Жители Шамбери посадили древо свободы в самый день вступления Монтеスキю и поспешили учредить общество Друзей свободы и равенства, тотчас же присоединившееся к клубу якобинцев. 20 октября Конвент получил от этого общества адрес, в котором говорилось:

«Законодатели мира, мы, как и вы, проклинаем память королей и, как и вы, принесли страшную клятву никогда не признавать их власти... Король Иерусалимский и Кипрский, не считай нас более своими подданными, ибо мы поклялись жить свободными и готовы скорее умереть, чем вновь впасть в рабство... Свободная Савойя изъявит свою верховную волю о воссоединении с вашей державой... Её желание, как и ваше, будет броситься в лоно Французской республики и составить с нею единый народ братьев. Мы в том клянёмся».

Поскольку Монтеスキю и Ансельм запросили инструкций относительно занятия Ниццы и Савойи, дипломатический комитет наконец представил доклад, которого от него требовали уже около месяца. Ласурс от его имени заключал так[29]:

«Запретить генералам вступать во владение какой-либо территорией от имени французской нации, которая не желает владеть ничем, кроме того, что у неё есть; приказать им объявлять, вступая в какую-либо страну, что французская нация признаёт её освобождённой от ига её тиранов и свободной дать себе под покровительством армий Республики такую временную организацию и такую форму правления, какую ей угодно будет принять».

Конвент постановил отпечатать доклад и отложил принятие предложенного декрета[30].

VII

29 октября савойцы, проживавшие в Париже, дали на Елисейских полях банкет в честь освобождения их страны филантропами-завоевателями. На нём присутствовали пятеро членов Конвента: Эро-Сешель, Тюрио, Анахарсис Клоотс, Мерсье и Лекиньо (от Морбиана). Французы и савойцы провозглашали друг за друга самые пылкие тосты. Торжественно выпустили на волю целую стайку птиц; затем выпили — без сомнения, по предложению «оратора рода человеческого» — за здоровье всех людей, которые отныне делятся лишь на два класса: свободных и рабов, и все суть братья! Наконец, с музыкой во главе и развёрнутым знаменем всеобщей свободы, все отправились в клуб якобинцев, где были встречены с живейшим сочувствием[31]. Несколько дней спустя те же савойцы явились в Конвент с петицией, требующей соединения их родины с Францией[32].

Собрание, несмотря на эти манифестации, явно организованные теми, кто мыслил как Дантон и Лакруа, ограничилось передачей в комитет законодательства.

Тем временем в Париж прибыли два делегата с адресом административных органов Ниццы. «Избавленные, — говорили они, — от тирана, которого мы ненавидим, клянёмся вам, французы, что, возвышенные вашими заботами до полного достоинства человека, мы сумеем отстоять неотъемлемые права природы и погребём себя под пеплом и развалинами нашей страны, но не перестанем быть свободными... Мы поклялись жить свободными или умереть. Мы ждём от вас жизни или смерти. Поспешите объявить наше присоединение к Французской республике; если наша мольба стать французами не будет услышана, мы никогда не вступим в сделку с нашими гонителями; мы скорее предадим огню всё наше имущество в этой земле изгнания, чтобы уйти жить в ту землю свободы, которую вы населяете...»

Председательствовал Эро-Сешель (6 ноября). Он отвечает:

«Какова бы ни была форма правления, долженствующая обеспечить ваше счастье; будет ли то счастливый союз, устанавливающий между нами узы братства, или, вернее, славное для нас, я сказал бы почти естественное, усыновление, включающее вас во Французскую республику,

— при всех возможных событиях, свободные люди, мы составим единую семью, вооружённую против одних и тех же врагов; и Вар с одного берега до другого будет орошать лишь землю свободы».

Несколько депутатов левой дантонистской партии жалуются на неопределённость ответа председателя. Лекиньо полагает, что просьбу ниццев следует немедленно поставить на обсуждение. — «Нет, — возражает Барер, — это значило бы нарушить принцип суверенитета народа», — и предлагает следующий декрет, который Конвент, всегда радуясь случаю отложить этот щекотливый вопрос, спешит принять:

«Национальный конвент объявляет, что он может приступить к обсуждению просьбы о воссоединении, представленной депутатами временных администраций бывшего графства Ницца, лишь после того, как узнает явно выраженное желание народа, свободно изъявленное в первичных собраниях».

Одновременно с графством Ницца и герцогством Савойя множество мелких немецких областей по берегам Рейна просили об аннексии. Когда Рюль 15 ноября прочёл адрес в этом смысле, исходящий от восьми общин Нассау-Саарбрюккена, Грегуар сказал: «Дипломатический комитет занят решением задачи: до какой степени государство может расширяться, не подвергая опасности свою свободу?» Никто не оказался способен объявить вопрос решённым[33].

Другая небольшая немецкая земля, бальяж Бергцаберн в герцогстве Цвейбрюккен, объявила себя свободной и воспользовалась своим суверенитетом, проголосовав за присоединение к Франции. Конвент снова колебался с решением; но он постановил, что в течение недели займётся проектом о том, как надлежит вести себя генералам за границей, и рассмотрит вопрос, обязуется ли Республика брать на себя защиту всех народов, ставших свободными[34].

Однако час решения настал. Национальный конвент савойцев собрался в Шамбери 21 октября и объявил себя непосредственно избранным суверенным народом для его представительства; 22 октября он освободил страну от клятвы верности, данной сардинскому королю; несколько дней спустя он назначил депутацию, чтобы представить Парижскому конвенту пожелание немедленного воссоединения с Францией, высказанное большинством общин.

21 ноября эта депутация вводится в зал Манежа; её оратор Доппе зачитывает протокол второго собрания депутатов Савойи, содержащий сводку голосований общин. Из него следует, что:

из 74 общин провинции Каруж 53 проголосовали за воссоединение с Францией, 21 дали своим представителям неограниченные полномочия; лишь одна не высказала своего мнения;

79 общин Фосиньи, 113 — Женевуа, 65 — Морьенна и, наконец, 65 — Шабле единодушно высказались за воссоединение;

из 204 общин собственно Савойи все выразили то же пожелание; лишь одна высказалась за отдельную республику;

в последней провинции, Тарантез, из 62 общин только 13 проголосовали за включение во Францию.

Грегуар отвечает Доппе весьма звучными, но мало решающими фразами. Тем не менее от имени Французской республики он даёт братский поцелуй четырём савойским депутатам. Конвент стоя кричит: «Да здравствуют народы!» Но никакого голосования не проводится. Обсуждение переносится на следующий понедельник[35]. В понедельник оно вновь откладывается на вторник, хотя и зачитывается письмо общества друзей свободы и равенства из Анси, торопящее с включением Аллоброгии во Французскую республику[36].

Наконец, 27 ноября, Грегуар уступает кресло Эро-Сешелю и поднимается на трибуну с окончательным докладом соединённых дипломатического и конституционного комитетов[37].

Прежде чем перейти к вопросу факта, докладчик ставит вопрос права:

— Имеют ли различные нации право соединяться в единое политическое тело? Да, ибо они суверенны и, соединяясь, не отчуждают своего суверенитета; они лишь соглашаются увеличить число лиц, осуществляющих его коллективно. Без сомнения, было бы прекрасно видеть все народы собранными в единое политическое тело. Однако, хотя начала природы и декларации прав принадлежат всем местам, как и всем временам, их применение подчинено множеству местных обстоятельств, требующих изменений. Всемирная республика в политике есть то же, что философский камень в физике...

Народ Савойи столь же суверенен, как и народ Франции, ибо суверенитет не допускает ни больше, ни меньше... Женева и Сан-Марино обладают им в столь же высокой степени, как Франция или Россия; и когда немногочисленная нация соединяется с великой нацией, она ведёт переговоры как равная с равной, иначе она рабыня.

Установив таким образом принципы, конституционный епископ Блуа напоминает, что Национальное собрание аллоброгов законно удостоверило, что воссоединение с Францией есть желание почти всего савойского народа. Но позволяет ли политический интерес Франции расширяться?

«Шестьсот тысяч человек под ружьём, сильные своим мужеством и своими принципами, доказывают, что её населения достаточно, чтобы противостоять коалиции деспотов; и какова будет безмерность её могущества, когда, возвращённая к миру, она увидит развитие в своих недрах всего плодородия земледелия, всей деятельности торговли? Что же до протяжения территории, к чему послужило бы ей перешагнуть Женевское озеро, Мон-Сени или пик Миди? Стала бы она счастливее, присоединив к своим владениям землю Во, Каталонию или Ломбардию?.. В преувеличенной величине она нашла бы начало своего упадка, и пагубное приращение подготовило бы её падение. Франция есть целое, она довлеет себе, ибо повсюду природа дала ей преграды, освобождающие её от необходимости расширяться, так что наши интересы согласны с нашими принципами. Когда наши победоносные армии проникают в какую-либо страну, они, довольствуясь тем, что разбили оковы угнетённых народов, оставляют им полную и неограниченную возможность совещаться о выборе своего правительства; они всегда найдут в нас поддержку и братство, если только не пожелают заменить своих тиранов другими тиранами. Если мой сосед вскармливает змей, я вправе задушить их, опасаясь стать их жертвой. Французы не умеют вступать в сделки с принципами; мы поклялись: никаких завоеваний и никаких королей! Но если народы, занимающие территорию, вкраплённую в нашу или заключённую в пределах, положенных Французской республике руками природы, желают политического присоединения, должны ли мы их принять? Да, без сомнения. Отказываясь от разбоя завоеваний, мы не объявляли, что оттолкнём от своего лона людей, близких нам по сродству принципов и интересов и которые по свободному выбору желали бы слиться с нами. Таковы савойцы... все физические, нравственные и политические связи влекут их к воссоединению. Напрасно хотели связать Савойю с Пьемонтом; беспрестанно Альпы отбрасывают её во владения Франции, и порядок природы был бы нарушен, если бы их правительство не было тождественно».

Затем Грегуар развивает военные, финансовые и торговые выгоды, которые Франция и Савойя извлекут из своего соединения, являющегося делом естественного и политического права.

«Пока наша Республика не обретёт неколебимой устойчивости, в случае неприсоединения она была бы вынуждена растянуть кордон войск на линии протяжением более шестидесяти лье; включение Савойи сокращает нашу оборонительную линию; Франции придётся охранять лишь три прохода: Мон-Сени, Бонневаль и Малый Сен-Бернар. Трёхсот солдат с несколькими орудиями там достаточно. Что до Большого Сен-Бернара, то Вале и ледники Шамони ограждают нас от предприятий сардинского короля. В случае нападения валезанцев пятьсот человек и высоты Шабле обеспечивают нас против всех усилий деспотов Италии.

Имущества духовенства, эмигрантов и бывшего герцога, становясь национальными и образуя капитал в 20 миллионов; уменьшенные таможенные издержки; богатые рудники сурьмы, меди, железа, вводимые в разработку; множество произведений земледелия, поступающих в обращение; великие пути сообщения, каковы всё течение Изера и Роны, Женевское озеро, ставшее доступным: вот что Франция выиграет материально от соединения с Савойей. Савойя выиграет ещё больше. Держимая Пьемонтом в состоянии неполноправности, она будет промышленно и торгово поднята Францией. Благодаря французским законам она будет пользоваться политической и общественной жизнью во всей полноте и увидит открывающееся перед ней самое блестящее будущее.

Но не сопряжено ли это включение, — могут возразить, — с дипломатическими опасностями?» На что Грегуар отвечает:

«Оно ничего не прибавляет к ненависти угнетателей против Французской революции; оно прибавляет к средствам могущества, коими мы разорвём их лигу. Впрочем, жребий брошен; мы вступили на поприще. Все правительства — наши враги; все народы — наши друзья; мы будем уничтожены, или они будут свободны... Они будут свободны; и секира свободы, сокрушив троны, опустится на голову всякого, кто захотел бы собрать их обломки».

Эти последние слова встречаются оглушительными криками восторга. Печатающие доклад и рассылка его в армии и департаменты голосуются немедленно. Один лишь депутат, Пеньер, поднимается, чтобы оспорить выводы доклада комитетов, ибо такое расширение территории и населения могло бы, по его мнению, уменьшить силу Франции. Многочисленные ораторы записываются с целью опровергнуть это мнение, но Собрание считает излишним их выслушивать; единогласно, за исключением одного голоса, Конвент объявляет, что принимает от имени французского народа воссоединение бывшей Савойи с Французской республикой.

Громадные рукоплескания раздаются на трибунах и в самом зале.

Однако Бюзо, едва восстановилась тишина, поднимается на трибуну и требует, чтобы только что принятый декрет был представлен на утверждение французского народа. Дантон живо поддерживает это предложение, и со множества скамей кричат: «Никаких завоеваний!» Мерлен требует предварительного вопроса. Бюзо вносит предложение, которое поддерживает Дантон[38] и которое, исправленное Барером, в конце концов принимается в следующей редакции:

«По предложению внести в декрет о воссоединении Савойи с Францией слова „от имени французского народа“ Национальный конвент переходит к очередным делам, исходя из торжественного заявления, что конституции не будет иной, кроме той, которая будет принята французским народом[39]».

Конвент в том же заседании постановляет ещё:

1° что Савойя временно образует 84-й департамент под названием департамента Монблан;

2° что первичные избирательные собрания будут созваны безотлагательно для избрания депутатов в Конвент;

3° что Савойя временно пошлёт десять депутатов;

4° что в департамент Монблан будет направлено четыре комиссара для его временного устройства.

Один из депутатов собрания савойских общин, присутствовавших на заседании, просит, чтобы этими комиссарами были их земляк Симон и трое представителей, посланных ранее к Альпийской армии: Дюбуа-Крансе, Лакомб Сен-Мишель и Гаспарен. Но решают, что новые комиссары будут избраны баллотировкой. 29-го избираются Симон, Грегуар, Эро-Сешель и Жаго.

Последний декрет, принятый по предложению Симона и Камбона, отменяет французские таможни на границах департамента Монблан и переносит их к границам Швейцарии и Пьемонта.

Наконец, двое савойских делегатов, Доппе и Ролль, горячо благодарят Национальный конвент за то, что он исполнил желания их сограждан. Председатель Эро-Сешель отвечает им речью, которую завершает следующая, несколько напыщенная фраза:

«При этом падении всех королей, погребённых под своими тронами, единственным тронном, который останется, будет трон Свободы, восседающей на Монблане, откуда эта владычица мира, созывая народы к возрождению, прострёт свои торжествующие руки над всей вселенной[40]».

VIII

Как мы видели выше, Бельгия была завоёвана менее чем за месяц. Дюмуре отбросил имперцев далеко за Маас, и можно было не опасаться, что в течение зимы они попытаются отнять у него завоевание. Затруднения его должны были исходить не от врагов, стоявших перед ним, а от ложных мер, которые исполнительная власть и Конвент наперебой собирались принимать.

Вступая в Бельгию, Дюмуре испытывал недостаток в звонкой монете и припасах[41]. Арсеналы северных крепостей были пусты[42]. Защитник Аргонн тем не менее решительно начал кампанию, рассчитывая на умение комиссара-интенданта Малюса, который, несмотря на трудности того же рода, сумел обеспечить службы его армии в Шампани. К несчастью, Малюс был подозрителен в аристократизме, равно как и провиантское управление армии — учреждение старого режима.

Паш, по мере получения подрядов, заключённых Малюсом, безжалостно их расторгал; службы останавливались, и армия посреди богатой Бельгии находилась в самом ужасном лишении. Ей не хватало лагерного имущества, а более всего башмаков и шинелей, столь необходимых в суровое время года. Солдаты переносили свою нужду с удивительной покорностью, но планы кампании главнокомандующего оказывались под угрозой. Несколько важных случаев обойти врага или нанести ему значительные потери были упущены вследствие расстройства обозной и провиантской службы. При вступлении французов в Брюссель в армейской кассе оставалось лишь 10 тысяч ливров. Чтобы выплатить солдатам жалованье, пришлось занять 80 тысяч флоринов у общественной кассы этой столицы и взять 300 тысяч ливров у банкира под переводной вексель на национальное казначейство.

Клавьер, в согласии с военным министром и с Камбоном, постоянным докладчиком финансового комитета, учредил в Париже центральный закупочный комитет, который должен был снабжать все армии одновременно; но своей медлительностью этот комитет всё тормозил. Дюмуре, желавший во что бы то ни стало энергично преследовать австрийцев, не мог дожидаться, пока парижский комитет развернёт свои бюро и наладит правильную поставку. Он взял на себя смелость послушаться приказов Исполнительного совета и Конвента. Он письменно приказал комиссарам-интендантам — Малюсу, находившемуся при нём, и Птижану, состоявшему при Ла Бурдонне, а также всем начальникам управлений — заключать срочные подряды для обеспечения службы на два месяца[43]. В то же время он написал Пашу, горько жалуясь на задержки в снабжении его армии; он требовал:

1° права единолично, через главного комиссара-интенданта Малюса, заключать подряды, необходимые для снабжения войск, участвующих в бельгийской экспедиции;

2° права единолично заключать договоры, необходимые для обеспечения службы звонкой монетой, потребной для жалованья и расходов армии[44].

22 ноября Паш передал Конвенту письмо Дюмуре, но заявил при этом, что лично не может согласиться с чрезмерным притязанием генерала, желавшего слишком легко распорядиться средствами, предназначенными для его армии.

Камбон поддерживает жалобы Паша и объявляет мошенниками Малюса и Птижана, но в особенности некоего д'Эспаньяка, который из придворного аббата сделался финансистом и поставщиком и принёс в своё новое ремесло плутоватость и бессовестность, коими был обязан прежним привычкам распутства[45]. Он требует и добивается немедленного ареста этих трёх доверенных лиц Дюмуре и вызова их к барьеру Конвента. При этом известии генерал спешит дать знать Пашу, что он думает о его поведении. Он предупреждает его, что отныне будет посылать в Конвент дубликаты писем, адресованных военному министру, и требует, чтобы тот передал Собранию копию их прежней переписки. Одновременно он пишет Конвенту:

«Надобно возбудить процесс не против д'Эспаньяка, а против меня; если преступление — заключать подряды и делать займы, необходимые для пропитания армии, то виновен я. У меня было лишь десять тысяч ливров при вступлении в Брюссель; д'Эспаньяк и его компаньон Массон предоставили мне нужные авансы, и их подвергают аресту! Более того, национальное казначейство возвращает опротестованным переводной вексель на триста тысяч ливров, выданный по моему приказу бельгийскому банкиру; всякий аванс звонкой монетой армии отныне невозможен».

Собрание ограничивается передачей письма Дюмуре в военный и финансовый комитеты, приглашая их безотлагательно представить доклад.

Между тем приказ об аресте Малюса и д'Эспаньяка был приведён в исполнение; они были доставлены в Париж самим Вестерманом, который взял на себя защищать перед Конвентом меры, принятые его начальником, и служить выразителем горьких жалоб армии[46]. Конвент был в большом затруднении, как решить между Пашем и Дюмуре, между своим финансовым комитетом и армейскими поставщиками. По предложению самого Камбона он решает назначить комиссаров, чтобы проверить на месте факт, указанный генералом Дюмуре, который противоречит ответу, данному военным министром и комиссарами национального казначейства. Двое из этих комиссаров должны были выехать в тот же вечер, 30 ноября, до девяти часов; остальные — на следующий день, после того как будут заслушаны Малюс и д'Эспаньяк.

Этими комиссарами были Дантон, Лакруа, Камюс и Госсюэн[47].

IX

Дюмуре приходилось бороться не только с трудностями, беспрестанно возникавшими между ним, военным министерством, закупочным комитетом и непреклонным Камбоном, но и с теми, которые создавали ему его собственные подчинённые. Один из них в особенности, Ла Бурдонне, причинял ему величайшие затруднения. Дюмуре осыпал его милостями, добился его перевода с внутренней должности на командование своим левым крылом, доверил ему лёгкую задачу овладеть Фландрией, уже на три четверти оставленной австрийцами. Но лавры Кюстина не давали Ла Бурдонне спать. Он тоже хотел корчить из себя главнокомандующего и стремился избавиться от опеки Дюмуре, как завоеватель Вормса и Шпейера избавился от опеки Бирона. Он взимал со всех городов своего округа огромные контрибуции, и в его финансовых операциях ему деятельно помогал некто Ста, прежде прокурор-синдик Лилльского трикта, которого он своей частной властью поставил комиссаром-интендантом своего корпуса.

Едва вступив в Турне (10 ноября), Ла Бурдонне назначил принудительный заём в один миллион ливров, который должны были в три дня предоставить жители этого города и провинции, владевшие более чем 15 тысячами флоринов недвижимости. Капитул собора под угрозой военной экзекуции внёс 200 тысяч ливров; доля самого города была определена в 750 тысяч; Ста потребовал половину в течение суток. Но новые магистраты, только что избранные под французским влиянием, которых нельзя было заподозрить в сожалении о старом режиме, первыми отказались содействовать взиманию подобной контрибуции и донесли Дюмуре о насилиях, жертвами которых становились их сограждане.

Остенде должен был уплатить 80 тысяч ливров. Генту и Брюгге грозили военными экзекуциями за отказ: первый — поставить 200 тысяч мешков зерна, второй — уплатить значи-

тельный принудительный заём. Ипр получил подобную же реквизицию, и Ста заявил магистратам этого города, что, если они не подчинятся без промедления, их сочтут неблагонадёжными и врагами Франции. Но там находился энергичный патриот Малу-Рига, подвергавшийся преследованиям при австрийском господстве и лично известный Дюмурье и нескольким членам Конвента. Он посоветовал согражданам сопротивляться и отправить главнокомандующему письмо, в котором Ста угрожал двинуться на Ипр с пятьюстами всадников и двумястами орудий, дабы схватить непокорных магистратов и перевести их в Лилльскую цитадель.

Дюмурье тотчас ответил Малу:

«Посылаю министру Лебрену ваше письмо и наглое послание так называемого комиссара-интенданта Ста. Скажите вашим магистратам, чтобы они держались моей прокламации и не боялись ни свирепых угроз этого комиссара, ни гнева генерала Ла Бурдонне... Мы не завоёвывали Бельгию, мы не взимаем контрибуций. Когда нам нужны деньги, мы берём их взаймы у вашего духовенства и тем самым оказываем услугу вашему отечеству, пуская в обращение зарытые сокровища, за которые мы с вами рассчитаемся. Вот единственное денежное взыскание, которое я себе позволяю, и то лишь в виде займа. Итак, этот способ обложения, установленный Ла Бурдонне и Ста, будет прекращён[48]».

В то же время Дюмурье требовал от военного министра сделать выбор между Ла Бурдонне и им. «Этот генерал, — писал он, — действует как завоеватель. Его агенты грозят городам военной экзекуцией, как пруссаки в Шампани... Я не буду ни Аттилой, ни бичом Бельгии[49]».

Победителя Жемаппа ещё опасались раздражать. Ла Бурдонне был отозван, и на его место назначен Миранда. Ста получил от министра приглашение — по крайней мере для вида — быть впредь осмотровельнее.

Когда Дюмурье разделялся с одной трудностью, у него возникало две или три других, более серьёзных и более запутанных. Одна из тех, что более всего его тревожила, и не без причины, был вопрос об ассигнатах, которые Камбон и прочие финансисты Конвента хотели заставить его принимать и пускать в обращение по нарицательной цене во всей Бельгии. Это было невозможно, не прибегая к самым крайним насилиям. Бельгия была наводнена фальшивыми ассигнатами, распространявшимися стараниями эмигрантов. Как отличить фальшивые от настоящих, и к тому же, если настоящие уже во Франции теряли против звонкой монеты, как поднять их в Бельгии до нарицательной стоимости? Французы были превосходно встречены народом, который уже несколько лет питал глубокое недовольство венским двором, жаловался на его поборы и обвинял его в намерении ниспровергнуть старинную конституцию Нидерландов. Но сочувствие, выказанное бельгийцами своим освободителям, могло сильно остыть, если бы их чрезмерно задевали в денежных интересах или в религиозных убеждениях. Не было ли простейшим благоразумием избегать всего, что способно вызвать какие-либо внутренние волнения, когда враг, ещё владевший течением Рейна, мог в любой момент возобновить наступление и когда жители приступали к общим выборам магистратов, призванных заменить тех, кто управлял страной при австрийском господстве? Решив шадить Бельгию и сделать иностранную оккупацию сколь возможно менее обременительной, Дюмурье ослушался формальных приказов исполнительной власти относительно обращения ассигнатов и объявил, что, поскольку армия получает жалованье звонкой монетой, она должна и платить звонкой монетой за всё, что покупает.

Генерал-дипломат всегда старался поддерживать добрые отношения со всемогущим обществом якобинцев. Явившись к нему на поклон при проезде через Париж, он надеялся, что оно оставит в его руках нити, которые должны были приводить в движение общества, создаваемые во всех городах Бельгии. Он поставил себе в обязанность присутствовать через два дня после сражения при Жемаппе на открытии первого якобинского клуба в Монсе. По прибытии в Брюссель он содействовал организации общества друзей Свободы и Равенства. Турне, Брюгге,

Лувен, Антверпен, Намюр, Льеж, Динан, Ипр и несколько других менее значительных городов поспешили последовать примеру Монса и Брюсселя. Но по мере того как, благодаря братьям и друзьям, предусмотрительно следовавшим в арьергарде французской армии, якобинская сеть распространялась всё шире, клубы ускользали из-под влияния Дюмуре. С другой стороны, огромное большинство бельгийского населения оставалось привержено своим старым верованиям; его пугали разрушительные доктрины, которые открыто преподавались в этих наскоро созданных собраниях, посещавшихся почти исключительно самыми исступлёнными фанатиками и самыми жаждущими мести эмигрантами.

Борьба между новыми идеями и старыми обычаями завязалась в каждом городе, и обе стороны бросались в крайности. Клубисты в своих идеях общественного обновления заходили по меньшей мере так же далеко, как парижские ультрареволюционеры. Их противники, не останавливаясь на идеях умеренных реформ, которые Дюмуре хотел бы восторжествовать в этой стране, только что избегшей австрийского ига, громогласно заявляли о своей приверженности конституции, насчитывавшей два или три столетия и которую ещё недавно находили недостаточной и устаревшей.

Среди этих внутренних распрей и открылись во всех городах Бельгии выборы, которые, согласно прокламации от 8 ноября, должны были дать фландрским и брабантским городам администраторов, обязанных собирать налоги, разумно ими распоряжаться и, наконец, заняться скорейшим образованием национальной армии. Поскольку никаких подробных постановлений заранее указано не было, в разных местностях действовали каждая по-своему. Право голоса предоставлялось более или менее ограниченному числу избирателей; временных администраторов облакали более или менее широкими полномочиями.

В Монсе революционный комитет, вернувшийся вслед за французской армией, созвал народное собрание в церкви Святой Вальтруды и заставил его избрать тридцать администраторов. Те, вступая в должность в ратуше, объявили навсегда разорванными узы, связывавшие их страну с Австрийско-Лотарингским домом, и провозгласили, что бельгийский народ возвращается к полноте своих прав. Затем они пригласили общины провинции назначить делегатов, которые 22 ноября образовали общее собрание представителей суверенного народа Эно. Но, против их ожидания, это собрание оказалось составлено из умеренных, которые не замедлили вступить в борьбу с демагогическим муниципалитетом главного города провинции[50].

В Турне образовалось две различных временных администрации: одна для города и предместий, другая для равнинной округи. В обеих осталось господствующим консервативное мнение.

Демократия одержала верх в Ипре и Генте, хотя временные представители Западной Фландрии и собственно Фландрии не стояли на высоте якобинцев-аннексионистов. Лувен и Антверпен выказали живейшее желание сохранить свои старинные обычаи. В Намюре в собрании временных представителей провинции также взяли верх консерваторы. Но Шарлеруа, переименовавший себя в Шарль-сюр-Самбр, отказался вступать в сношения с этим собранием, запятнанным модерантизмом, и образовал отдельную администрацию, одушевлённую самыми демократическими чувствами.

Итак, Бельгию разделяли три партии: явные сторонники старых Штатов, то есть старинной аристократической и католической конституции каждой провинции; демократы, желавшие бельгийской республики по образцу Французской республики, но независимой; наконец, аннексионисты, требовавшие простого и полного присоединения Бельгии к Франции.

Борьба между этими тремя партиями грозила стать весьма ожесточённой в столице Брабанта. Для поддержания порядка Дюмуре прибег к средству, которое далеко не гарантировало вместе с тем искренности выборов. Через четыре дня после прибытия, 18 ноября, он созвал брюссельцев в церкви Святой Гудулы для избрания новых магистратов. Чтобы быть более уверенным в том, как будут подаваться голоса, он оставил между созывом и выборами

лишь несколько часов. Для вящей предосторожности он велел занять внутренность церкви некоторым числом солдат.

Избиратели, чтобы проникнуть в место, назначенное для их совещаний, были вынуждены проходить между двумя густыми шпалерами военных и мимо орудий артиллерийской батареи. Так как церковь была недостаточно велика, чтобы вместить избирателей и тех, кто якобы охранял независимость их голосования, излишек выплёскивался на площадь и смешивался с занимавшими её войсками. Трудно было добиться от собрания, столь странно огороженного, правильного обсуждения. Поэтому его и не пытались вести. Заседание открыл французский комиссар, объявивший избирателям, что старая брабантская конституция отжила своё и что назначением новых магистратов надлежит открыть освободительную эру перед возрождённым брюссельским народом. Несколько голосов поднялось с требованием отложить выборы на двадцать четыре часа, чтобы можно было договориться о кандидатах, и проводить их по приходам, а не в таком центральном собрании, какое только что было столь неожиданно созвано. Но несколько своевременно розданных ударов саблей плашмя тотчас образумили непокорных.

Адвокат Бальза, руководивший этим странным совещанием, едва ли даже дал себе труд прочесть имена восьмидесяти временных представителей, список которых был заготовлен революционным комитетом. Они были объявлены избранными одобрительными возгласами. Сам Дюмуре на следующий день ввёл их в должность в ратуше.

В своей речи, обращённой скорее к бельгийцам вообще, нежели к частным представителям города Брюсселя, он советовал им отказаться от прежнего деления на провинции, едва связанные между собой слабой федеральной связью, соединиться с льежцами, которые также составляли до сих пор отдельную нацию, и всем вместе образовать единый свободный народ.

Справедливо было, чтобы председатель избирательного собрания стал председателем собрания избранного. Поэтому именно Бальза получил братское объятие Дюмуре и, выйдя вместе с ним на балкон ратуши, провозгласил низложение Австрийского дома. Существование старых Штатов Брабанта было несовместимо с полномочиями, которыми облекалось новое собрание; поэтому первым деянием восьмидесяти новых администраторов было объявить эти штаты распущенными, а все акты, которые они могли бы впредь издавать, — ничтожными и недействительными.

В Льежском княжестве, где реакция, последовавшая за неудавшейся революцией 1789–1790 годов, была весьма жестокой, сторонники присоединения к Франции одержали верх беспрепятственно. Прежний епископ Хёнсбрух и его приверженцы спаслись бегством от мести, которой опасались. Патриотическое общество, образовавшееся ещё в 1785 году и распущенное австрийцами в 1791 году, когда они восстановили прежний епископский режим, возобновило свои заседания 30 ноября в присутствии Дюмуре. Муниципалитет, низвергнутый восемнадцатью месяцами ранее, был временно восстановлен в должности; прежний мэр Фабри был с триумфом препровождён в ратушу. Но этот человек, некогда столь популярный, вскоре перестал быть таковым, ибо захотел приостановить развитие ультрареволюционных идей. Реформы, которых он и его друзья требовали семью годами ранее, были далеко превзойдены идеями, ввезёнными прямой дорогой из клуба на улице Сент-Оноре.

Х

Едва несколько новых бельгийских и льежских администраций образовалось, как они отправляют в Париж делегатов, чтобы принести Конвенту свидетельство своей признательности и выразить свои пожелания. 11 декабря председатель брюссельского собрания Бальза, к которому присоединились делегаты Турне и Монса, является в зал Манежа просить представителей французского народа формально объявить, «что французская нация обязуется перед бельгийцами и льежцами не заключать никакого договора и не заслушивать предложений ни от какой державы, если только полная независимость Бельгии и Льежской земли не будет фор-

мально признана и установлена». Этой ценой оратор обещает, что сорок тысяч его сограждан возьмутся за оружие и встанут под знамёна свободы.

Председатель Барер отвечает на длинную речь бельгийских депутатов почти столь же длинной речью, в которой хвалит их за то, что они сокрушили свои феодальные учреждения, и советует им отречься от теократических предрассудков. «Разве нет у вас, — восклицает он, отдаваясь лиризму, в котором несколько проглядывали заботы революционного финансиста, — разве нет у вас многочисленного населения, столь жестоко угнетённого преемниками Филиппа II? Разве нет у вас громадных сокровищ, которые религия веками хранила как залог для свободы? Оружие и ассигнаты — вот что нужно порабощённому народу, чтобы разбить свои оковы. Франция ничего не завоевала для себя в Бельгии, кроме ваших сердец; она победила лишь австрийцев. Наша грамота о союзе и взаимной защите написана рукой природы. Наши принципы и наша ненависть к тиранам — вот наши полномочные министры. Вам надлежит избрать свободное правительство, которое покажется вам наиболее подходящим[51]».

Обещания были великолепны. Вот как они были исполнены. Четверо комиссаров Конвента, назначенные в заседании 30 ноября, присоединились к Дюмуре в Льеже. Несколько дней им хватило, чтобы оценить крайнюю нужду армии, но также и уяснить себе состояние умов в окрестных провинциях и трудности, которые крайнее возбуждение партий создавало на каждом шагу главнокомандующего.

Политика Дантона была всегда одна и та же — в Бельгии, как и в Париже. Это была политика всех демагогов, которые во имя разума и свободы взывают лишь к грубой силе, которые, чтобы победить сопротивление, не снисходят до иных средств, кроме террора, и, торопясь восторжествовать со своими идеями, не считаются ни с людьми, ни со временем, ни с нравами, ни с местом. Он сильно упрекал Дюмуре за желание щадить предрассудки бельгийского народа и заявил ему, что, если хотят упрочить революцию, надобно употреблять ультрареволюционные средства; одним словом, надобно заставить Бельгию идти в ногу, то есть применить к ней за один месяц режим, к которому Франция пришла после четырёх лет смут и борьбы. Позже мы увидим, каков был результат этой политики; сегодня нам надлежит лишь отметить её исходную точку.

Дантону нетрудно было склонить к своему мнению трёх своих коллег; он легко убедил их, что надобно как можно скорее взяться за дело и, чтобы прикрыть свою ответственность, получить от Конвента торжественный декрет, заранее освящающий меры, которые они намеревались принять. Поскольку меры эти должны были быть прежде всего финансовыми, для их изложения был избран пуританин Камюс[52]. Вечером 11 декабря этот бывший адвокат духовенства прибыл в Париж. Он связался с военным, иностранных дел и финансовым комитетами, и 15-го Камбон, выступая от имени этих трёх комитетов, изложил Конвенту меры, принятые по внушению комиссара, прибывшего из Бельгии. Всё это произошло так быстро, что Камбон не успел изложить свой доклад письменно, как он сам заявил[53].

На первый взгляд работа Камбона не казалась относящейся именно к Бельгии; она была озаглавлена: «О том, как надлежит вести себя французским генералам в странах, занятых армиями Республики». Начиналась она так:

«Какова цель предпринятой войны? Уничтожение всех привилегий. Война дворцам, мир хижинам! Вот принципы, которые вы провозгласили, объявляя её. Всё привилегированное, всё тираническое должно поэтому рассматриваться как враг в странах, куда мы вступаем. Кюстина нельзя порицать за то, что он, хотя и без особых приказов, отменил тотчас по вступлении в Германию феодальные права, десятины, привилегии и установил контрибуции на дворян, священников и богатых в возмещение помощи, оказанной ими эмигрантам. У него не было инструкций, но он хорошо сделал, что не дал погибнуть интересам Республики. Дюмуре, вступая в Бельгию, провозгласил великие философские принципы; но он ограничился обращениями к народу. Он до сих пор всё пощадил: дворян, привилегии, барщины, феодализм и т. д. Народ,

порабощённый аристократией духовной и денежной, не имел сил один разбить свои оковы, а мы ничего не сделали, чтобы помочь ему освободиться... Без сомнения, надобно уважать независимость и суверенитет народа, но не узурпаторов... итак, мы должны объявить себя революционной властью. Нам надлежит бить в набат, нам надлежит сокрушать всё, что противно правам народа».

Столь откровенно установив эти послылки, Камбон заявляет, что три комитета, от имени которых он выступает, полагают необходимым уничтожить все власти, существующие в Бельгии.

«Вы видели представителей этого народа у вашего барьера; робкие и слабые, они не осмелились открыть вам свои принципы. Они трепетали. Они сказали вам: „Покинете ли вы нас? Отдадите ли нас на милость наших тиранов?“ Нет, граждане, вы их не покинете, вы задушите зародыш их раздоров и грозящих им бедствий; но вы не можете дать свободу стране, вы не можете оставаться в ней в безопасности, если прежние магистраты сохраняют свои полномочия. Совершенно необходимо, чтобы санкюлоты участвовали в управлении; надобно всё разрушить, чтобы всё воссоздать; надобно собрать народ в первичные собрания и заставить его назначить временных администраторов и судей. Необходимо исключить из этих должностей всех врагов Республики, которые попытались бы туда проникнуть. Поэтому мы предлагаем, чтобы никто не мог быть допущен к голосованию или избранию, если не принесёт клятву свободе и равенству и письменно не откажется от всех привилегий и преимуществ, какими бы он ни обладал...

Вступая в какую-либо страну, какова должна быть наша первая забота? Взять в залог издержек войны имущества наших врагов, то есть поставить под охрану нации имущества, принадлежащие казне, князьям, их пособникам, приверженцам и добровольным прислужникам, светским и монашеским общинам, всем соучастникам тирании.

Приняв все эти предосторожности, возможно ли, — спрашивает докладчик, — предоставить народ, мало привычный к свободе, всецело самому себе?» Нет, отвечает он, необходимо помогать ему нашими советами, брататься с ним. Средство братства, предложенное тремя комитетами, было попросту отправкой комиссаров исполнительной власти, которым поручалось обеспечить оборону страны и снабжение армий, в сочетании с отправкой комиссаров Конвента, которые, будучи неприкосновенными, не могли принимать никаких исполнительных мер, но должны были довольствоваться высшим надзором за всем. Другое не менее действенное средство братства, по мнению Камбона, состояло в том, чтобы предоставить в распоряжение новоосвобождённых народов сокровища Франции, то есть её национальные имущества, обращённые в ассигнаты. Следовательно, говорит в точных выражениях докладчик, «вступая в страну, отменяя её подати, предлагая ей часть наших сокровищ, чтобы помочь ей вновь обрести свободу, мы даём ей нашу революционную монету. Эта монета станет её монетой; нам не нужно будет тогда дорогой ценой покупать звонкую монету, чтобы находить в самой стране одежду и продовольствие. Общий интерес соединит оба народа в борьбе с тиранией...» Камбон не забывает привести и тот довод, что залог, предоставляемый секвестрованными имуществами у освобождённых народов, увеличит обеспечение французских ассигнатов и что отток этих ассигнатов за границу уменьшит их массу, обращающуюся во Франции. «Если потребуются, — прибавляет он, — чрезвычайные контрибуции, комиссары Конвента, по соглашению с администраторами, установят их на богатых. Все народы, которые пожелают сохранить привилегированные сословия, будут рассматриваться как враги; прочим будет дано ручательство, что Франция никогда не вступит в переговоры с их тиранами; как только они организуют свободную и народную форму правления, полномочия комиссаров и временной администрации прекратятся. По окончании войны вам придётся свести счёты; вы рассчитаетесь с представителями каждого народа и за сделанные вами расходы, и за поставленное вам продовольствие. Если вам будут должны, вы заключите соглашения, как вы заключили с Соединёнными Шта-

тами Америки; вы пойдёте навстречу всему, что может поддержать свободу ваших соседей. Если же, напротив, вы окажетесь в долгу, вы заплатите наличными, ибо Французская республика не нуждается в кредите».

Все статьи, предложенные тремя комитетами согласно этим принципам, были приняты без обсуждения, кроме одной — третьей: той, что объявляла лишённым права избирать и быть избранным всякого, кто предварительно не присягнул на верность свободе и равенству и не отказался от всех привилегий. Бюзо потребовал распространить это исключение на всех, кто занимал какую-либо должность в прежних администрациях, на всех дворян и всех привилегированных. Фонфред пошёл дальше и хотел, чтобы той же подозрительностью были поражены банкиры, денежные люди, все враги свободы. Странное дело! Именно монтаньяры Мерлен и Камиль Демулен выступили в защиту бельгийских дворян, которые, по их словам, совершили революцию. Базир говорил в том же смысле; предложение Бюзо, по его мнению, не было ни политичным, ни сообразным с принципами и должно было неминуемо озлобить умы и лишить народ множества людей, которые, хотя и состояли на прежней административной службе, могли быть патриотами.

Поскольку статья, представленная двумя жирондистами, получила большинство, Демулен в тот же вечер восклицал в клубе якобинцев: «Конвент имел сегодня самое бурное заседание, какое только бывало с начала революции. Вероломство Дюпоров, Барнавов и Дандре было сущей глупостью в сравнении с тактикой бриссотинцев... Своим декретом они сделали священников, дворян и привилегированных Бельгии неизбежными врагами свободы; этого достаточно, чтобы перевернуть Европу[54]».

Декрет от 15 декабря можно свести к следующему: «Национальный конвент, верный принципу суверенитета народа, который не позволяет ему признавать никакое учреждение, на него посягающее, постановляет: 1° в странах, занятых французскими армиями, генералы Республики должны немедленно провозгласить отмену существующих податей, десятины, феодальных прав, крепостной зависимости, дворянства и вообще всех привилегий; объявить народу, что они несут ему мир, помощь, братство, свободу и равенство. 2° Они одновременно провозгласят суверенитет народа, упразднят существующие власти и заставят народ, созванный в первичные собрания, создать временные администрации. 3° Все агенты и должностные лица прежнего правительства, а также лица, прежде считавшиеся дворянами или членами каких-либо прежде привилегированных корпораций, будут, но лишь для первых выборов, не допускаться к временным административным или судебным должностям[55]. 4° Генералы немедленно поставят под охрану и защиту Французской республики всё движимое и недвижимое имущество, принадлежащее казне, князю, его пособникам, приверженцам и добровольным прислужникам, общественным учреждениям, светским и религиозным общинам. 5° Надзор за этим имуществом и управление им будут принадлежать избранным первичным администрациям, которые должны также приводить в исполнение действующие законы относительно гражданских и уголовных дел, обеспечивать полицию и общественную безопасность; они могут, наконец, взимать контрибуции, при условии, что те не будут ложиться на неимущую и трудящуюся часть народа. 6° Когда временная администрация будет устроена, Конвент направит комиссаров из своей среды для братания с нею. 7° Со своей стороны, исполнительный совет назначит комиссаров для согласования с означенными администрациями действий по обороне территории и содержанию армий Республики. 8° Временные администрации и национальные комиссары прекратят осуществление своих полномочий, как только жители освобождённых стран организуют свободную и народную форму правления».

К декрету была приложена прокламация, которую генералы должны были обращать к населению каждой страны, куда они вступят. В ней говорилось: «Братья и друзья, мы завоевали свободу и мы её сохраним... Мы предлагаем вам пользоваться этим бесценным благом, которое всегда принадлежало вам и которого ваши угнетатели не могли похитить у вас без преступ-

ления. Мы пришли изгнать ваших тиранов; они бежали; покажите себя свободными людьми, и мы оградим вас от их мести, их замыслов и их возвращения. С этого мгновения Французская республика объявляет об упразднении всех ваших гражданских и военных магистратов, всех властей, которые вами управляли; она объявляет об отмене всех податей, которые вы несёте, в какой бы форме они ни существовали, ввозных и вывозных пошлин, десятины, исключительных прав рыбной ловли и охоты, барщин, дворянства и вообще всякого рода поборов и повинностей, возложенных на вас вашими угнетателями. Французская республика упраздняет также у вас всякую дворянскую, жреческую и иную корпорацию... Все вы граждане, все равны в правах... Немедленно образуйте общинные собрания; спешите учредить ваши временные администрации. Агенты Французской республики будут действовать с ними сообща, дабы обеспечить ваше счастье и братство, которое отныне должно существовать между нами».

Этот декрет был шагом к присоединению Бельгии к Франции. Способ его исполнения доказал это с избытком. Бельгийцам говорили: «Вы суверенны», — но при этом явно намеревались руководить ими в осуществлении их суверенитета. Чтобы помочь им в этом, к ним направили тучу агентов исполнительной власти, которые под предлогом освобождения имели поручение обращаться с ними как с завоёванным народом. Эти агенты были, естественно, избраны среди чистейших якобинцев и в значительной части среди пресловутых комиссаров исполнительной власти и Парижской коммуны, чьи зловещие подвиги мы уже отмечали[56]. Недавно им отдали на разгром Францию; теперь им отдавали Бельгию, чтобы перевернуть её до основания. Надобно отдать им справедливость: они не пренебрегли ни той, ни другой миссией[57].

XI

Но пора перенестись с севера на юг, к берегам Средиземного моря. Бывший подчинённый Монтеスキю, Ансельм, всё ещё находился в Ницце, стараясь расширить свои завоевания и упрочить своё положение. Он мечтал о занятии всех городов побережья; он просил не подчинять его более главнокомандующему Альпийской армией и хлопотал через ниццев о чине маршала Франции[58].

Первая экспедиция, совместно задуманная флотом и Ансельмом, была направлена против небольшого порта Онелья. Эскадра контр-адмирала Трюге появилась перед ним 23 октября. Флаг-капитан адмирала г-н дю Шайла был послан на шлюпке с прокламацией, приглашавшей жителей присоединиться к Франции. Но едва шлюпка коснулась берега, как залп в упор убил трёх офицеров — мичманов Изнара и Пелиссье и адъютанта адмирала Анри д'Обермениля, — ранил пятерых солдат и самого парламентёра. Трюге немедленно подверг город бомбардировке, а на следующий день высадил войска и экипажи. Враг бежал. Онелья поплатилась пожаром и разграблением за вероломство, в котором провинился её гарнизон; но командир высаженных войск, убедившись в невозможности удержаться в городе, через три дня вернулся в Вильфранш.

Эта экспедиция была лишь подготовкой к более важным и более отдалённым предприятиям. Ещё в начале октября несколько беженцев с острова Сардиния уверили морского министра, что остров готов восстать, и Исполнительный совет приказал контр-адмиралу Трюге и генералу Ансельму попытаться его завоевать. В их распоряжение были отданы все наличные силы Корсики. Арена, бывший депутат этого острова в Законодательном собрании, не переизбранный в Конвент, был назначен сопровождать экспедицию в качестве комиссара исполнительной власти.

Но едва прибыв в Ниццу, он замыслил вместе с Ансельмом гораздо более обширные проекты. Речь шла не более и не менее как о завоевании всей Италии. Начать следовало с Рима, затем двинуться вверх к Миланской области и таким образом зайти в тыл пьемонтцам и австрийцам[59].

Этот план, несколько гигантский, был встречен в Париже с большой благосклонностью. Недоставало лишь предлога для вторжения в Папскую область и попытки отомстить папскому

двору за неразрешимые затруднения, которые ультрареволюционеры сами навлекли на себя, расстроив устройство католической религии, убивая её служителей и разжигая все религиозные страсти населения запада и юга. Этот предлог доставил художник Давид, явившись в Конвент с сообщением, что двое воспитанников Римской школы были грубо брошены в тюрьмы папского правительства и отданы инквизиции. Два дня спустя Исполнительный совет написал Пию VI и напечатал в «Монитёре»[60] следующее письмо, слог которого несколько контрастирует с формулами, к каким обычно привыкла римская канцелярия:

«Временный исполнительный совет Французской республики — князю-епископу Римскому[61].

Свободные французы, дети искусств, чьё пребывание в Риме поддерживает и развивает вкусы и дарования, которыми он гордится, терпят по вашему приказу несправедливое преследование. Произвольно оторванные от своих трудов, заключённые в суровую темницу, выставленные напоказ публике и подвергаемые обращению как преступники, хотя ни один суд не объявил их вины, вернее же — когда им нельзя вменить в вину ничего, кроме того, что они не скрывали своего уважения к правам человечества и своей любви к признающему их отечеству, — они указаны как жертвы, которые вскоре должны принести в жертву деспотизм и суеверие вместе.

Без сомнения, если бы когда-либо позволено было покупать успех доброго дела ценой невинности, следовало бы дать свершиться этому злодеянию. Колеблющееся владычество инквизиции окончится в тот день, когда она осмелится ещё раз проявить свою ярость, и преемник святого Петра перестанет быть государем с того дня, как он это допустит. Разум повсюду возвысил свой мощный голос. Он оживил в сердце угнетённого человека сознание его обязанностей вместе с чувством его силы. Он сокрушил скипетр тирании, талисман королевской власти. Свобода стала точкой всеобщего единения, и государям, колеблющимся на своих тронах, остаётся лишь ей покровительствовать, чтобы избегнуть насильственного падения. Но Французской республике недостаточно предвидеть конец и уничтожение тирании в Европе; она должна остановить её действие на всех, кто к ней принадлежит. Её министр иностранных дел уже потребовал освобождения французов, задержанных в Риме. Ныне её Исполнительный совет требует их выдачи во имя справедливости, которой они не оскорбили, во имя искусств, которые вам выгодно принимать и покровительствовать, во имя разума, негодующего на это странное преследование, во имя нации свободной, великой и великодушной, которая, правда, презирает завоевания, но желает, чтобы её права уважали, и готова отомстить всякому, кто осмелится их не признать, и которая не для того отвоевала их у своих священников и своих королей, чтобы позволить кому бы то ни было на земле их оскорблять.

Понтифик римской церкви, ещё государь державы, готовой ускользнуть от вас, вы можете сохранить и державу, и церковь лишь бескорыстным исповеданием тех евангельских начал, которые дышат чистой демократией, нежнейшим человеколюбием, совершеннейшим равенством и которыми преемники Христа умели лишь прикрываться, дабы расширять владычество, ныне рушащееся от ветхости. Века невежества прошли; людьми можно управлять лишь убеждением, вести их лишь истиной, привязывать их лишь их собственным счастьем. Искусство политики и тайна правления сводятся к признанию их прав и к заботе об облегчении их осуществления — к наибольшему благу всех, с наименьшим возможным ущербом для каждого.

Таковы ныне правила Французской республики; она слишком справедлива, чтобы что-либо утаивать даже в дипломатии, слишком могущественна, чтобы прибегать к угрозам, но слишком горда, чтобы скрыть обиду, и готова наказать за неё, если мирные требования останутся без действия.

Учинено в Исполнительном совете 23 ноября 1792 года, в I году Французской республики.

РОЛАН, МОНЖ, КЛАВЬЕР, ЛЕБРЕН, ПАШ, ГАРА.

За Совет:

ГРУВЕЛЬ, секретарь[62]».

Некоторое время только и говорили что об освобождении Рима и завоевании Италии. Келлерман, только что, как мы сказали выше, назначенный главнокомандующим Альпийской армией, писал Конвенту[63] по прибытии в свою новую главную квартиру: «Я несусь под вашими знамёнами древним римлянам свободу, столь давно изгнанную из этой страны». Но вскоре признали невозможность немедленного исполнения плана, состоявшего в том, чтобы сделать Папскую область базой военных операций в Италии. Французская республика, хотя и господствовала на море, не имела на берегах Вара и Роны достаточно свободных войск, чтобы произвести высадку в центре полуострова с надеждой там удержаться и расшириться; поэтому вернулись к мысли действовать по радиусам вокруг Тулона и вести операции на побережье и островах Средиземного моря.

Так как экспедиция против Сардинии ещё не была готова, часть флота под командованием Латуш-Тревиля отправилась на якорную стоянку перед Неаполем.

Родная сестра Марии-Антуанетты, Каролина, царствовала там под именем своего супруга Фердинанда. Её министром был уже знаменитый Актон, но у неё ещё не было Нельсона и английского флота для защиты. Поэтому она подчинилась требованиям ультиматума, привезённого французским адмиралом. Неаполитанский король признал Французскую республику, обещал принять нового посла, остаться нейтральным, отозвать и наказать своего агента в Константинополе, который, заодно с представителями других держав, побуждал Порту не принимать посольство Французской республики, дезавуировать поведение своего министра в Париже, прислать другого для подтверждения дезавуирования и подготовки нового торгового договора.

Примечательный факт: в то время как пруссаки и австрийцы сражались за восстановление Людовика XVI на престоле, два государства, где правили государи из Бурбонского дома, признавали Республику и заявляли о желании жить с нею в добром согласии. Неаполитанский король только что пообещал всё, чего от него требовали. В тот же самый момент испанский король уверял французского посла[64] в своём желании сохранять добрые отношения с Республикой и приказывал отвести внутрь королевства 20 тысяч человек, которых он на короткое время выдвинул к подножию Пиренеев. Конвент, мало доверяя этим изъявлениям дружбы, торопил с приведением в боевую готовность и снабжением крепостей, окаймляющих границу от Байонны до Перпиньяна. Три комиссара, посланные им на место, считали армию не только достаточно многочисленной, чтобы оградить французскую территорию от всякого внезапного нападения, но и способной вступить в Каталонию и донести наше победоносное оружие до Мадрида[65].

Итак, менее чем через шесть месяцев после обнародования безумного манифеста герцога Брауншвейгского наши победоносные армии занимали Бельгию и Ахен, Пфальц и Майнц, Савойю и графство Ниццу. Рейнская и Пиренейская границы были обеспечены армиями Бирона и Сервана[66]. Державы, подписавшие Пильницкую коалицию, на собственном опыте узнавали, что существует закон, столь же непреложный в мире нравственном, как и в мире физическом: сила расширения всегда пропорциональна силе сопротивления, посредством которой пытались её сжать.

Зрелище возвышенное, и память о нём должна наполнять гордостью наших самых отдалённых потомков. В то самое мгновение, когда всякое нравственное чувство кажется угасшим в отдельных людях, когда беспорядок, расстройство, упадок, казалось, достигли последней степени, французская нация, взятая в целом, остаётся на высоте опасностей, скопившихся вокруг неё; она верит в свою силу и в свою жизнеспособность; она обращает к своим детям последний призыв: отечество в опасности! Эти волшебные слова заставляют трепетать все сердца, вос-

пламеняют все мужества, порождают все подвиги самоотвержения. Менее чем в шесть недель национальная земля полностью омыта от скверны нашествия; Лонгви и Верден, попавшие в руки врага, отбиты ещё с большей лёгкостью, чем были заняты; Лилль и Тионвиль видят бегство осаждавших их армий. Паники при Безиё, Кьеврене, Куртре, в лагере Гранпре забыты; старые воины Фридриха Великого и Марии-Терезии внушают нашим молодым солдатам одно лишь презрение с тех пор, как под крики «да здравствует нация» и пение Марсельезы они захватывали батареи, выдерживали в каре атаки кавалерии и ожидали вражеские колонны, держа штык наперевес. **ФРАНЦИЯ СПАСЕНА.**

Примечания:

[1] За пять дней до этого Конвент принял следующее обращение к добровольцам батальонов 1791 года, срок службы которых истёк:

«Граждане-солдаты, закон позволяет вам удалиться; крик отечества вам это запрещает. Когда Порсенна стоял у ворот Рима, разве Брут покинул свой пост?.. Перешёл ли враг обратно через Рейн? Отбит ли Лонгви? Отмщена ли французская кровь, которой варвары оросили землю свободы? Наказаны ли их опустошения и зверства? Признали ли они величие Республики и суверенитет народа? Солдаты, вот предел ваших трудов; этого достаточно сказать храбрым защитникам отечества. Национальный конвент ограничивается тем, что вверяет вам французскую честь, благо государства и заботу о вашей собственной славе».

[2] Эти прокламации Дюмуре были зачитаны в Конвенте 1 ноября, равно как и постановление Временного исполнительного совета от 24 октября. «Монитор» лишь излагает их содержание; мы нашли их полностью в «Журнале прений и декретов», № 43, с. 6 и 7.

[3] См. эту инструкцию в «Монитёре», № 314.

[4] Записка Дюмуре генерал-лейтенанту Мортону, 4 ноября, в «Журнале прений и декретов», № 48, с. 92.

[5] «Мемуары Дюмуре», III, с. 171.

[6] «Мемуары Дюмуре», III, с. 172; Серван, «Историческая картина», II, с. 233.

[7] «Журнал Республики», № 43, от 12 ноября.

[8] «Журнал прений и декретов», № 56, с. 234.

[9] См. «Монитор», № 322.

[10] Дезертирство в рядах австрийской армии было очень многочисленным с самого начала кампании. 8 ноября комиссары Конвента писали из Лилля, что следовало бы организовать легион из солдат-граждан, которые приходили защищать свободу. Дюмуре в своих «Мемуарах» говорит, что 14-го, в день его вступления в Брюссель, улицы были окаймлены двойной шпалерой австрийских дезертиров числом более четырёх тысяч. Некоторые из этих дезертиров отправились в Париж, ибо «Монитор» (№ 326) сообщает нам, что они явились в Генеральный совет, дабы принести присягу Республике.

[11] Заседание 20 ноября, «Монитор», № 322.

[12] См. т. IV, книга XVII, § III.

[13] Вот точный текст постановления Исполнительного совета, заседание 4 ноября 1792 года.

«Исполнительный совет, принимая во внимание малую готовность, оказанную генералом Келлерманом двинуться с командуемыми им войсками согласно полученным им приказам, а также существующее между ним и генералом Кюстином противодействие, постановляет, что генерал Келлерман будет приглашён прибыть в Париж для объяснений по поводу всего происшедшего.

РОЛАН, МОНЖ, ЛЕБРЕН, КЛАВЬЕР, ПАШ, ГАРА, ГРУВЕЛЬ, секретарь».

[14] Эта петиция приведена в «Монитёре», № 321.

[15] Письмо, зачитанное в заседании 16-го. «Монитор», № 323.

[16] Письмо Бирона находится в «Монитёре», № 320.

[17] См. заседание 14 ноября в «Монитёре», № 321.

[18] См. в «Монитёре», заседание 10 октября, ноты резидента Шатонёфа.

[19] Постановление Исполнительного совета, переданное Конвенту письмом министра иностранных дел, приведено в «Монитёре», № 285.

[20] Мы разыскали два письма генерала Монтескью, которые отлично показывают умонастроение, в каком он находился во время переговоров с Женовой, и легко дают понять, каким

образом он навёл на себя гнев Клавьера, не поддержав замыслов последнего относительно его родного города. Они адресованы военному министру Сервану.

Каруж, 6 октября 1792 года.

«Сегодня ночью я получил письмо от 2-го, написанное вами с чрезвычайным курьером. Вы высказываетесь о Женеве яснее, ибо говорите мне, что туда надобно войти волей или силой. Не хотите ли вы этим сказать, что, если правительство уступит и швейцарцы будут отосланы, вы желаете, чтобы мы овладели Женевой? Прошу у вас этого разъяснения, которое не может быть слишком точным, пока я делаю приготовления. В Женеве не двадцать тысяч ружей; меня уверяли, что их двенадцать тысяч, и если мы отошлём швейцарцев, мы получим эти ружья без осады, без бомбардировки, не действуя на манер Людовика XIV. Простите мне эти размышления; я принимаю в вас живое участие и опасаюсь, как бы мудрость и слава вашего министерства не были запятнаны несправедливым предприятием, относительно которого письмо г-на Клавьера доказало мне, что совет не был единодушен. Дайте мне, прошу вас, инструкцию, которая предусмотрела бы различные случаи и избавила меня от неопределённостей, столь досадных, когда надобно действовать».

Каруж, 18 октября.

«Я получил, дорогой генерал, письмо, написанное вами 7-го в качестве товарища. Я долго буду сожалеть, что вы более не министр, ибо весьма отраднo вести все свои дела с человеком, которого искренне уважаешь, которого понимаешь и который понимает тебя. Нужно время, чтобы освоиться с новым министром, как бы хорош он ни был. Именно в том критическом положении, в каком я нахожусь, мне хотелось бы быть правильно понятым и судимым с доверием; здесь мы, пожалуй, испортим всю удачу этой кампании. Первый пушечный выстрел по Женеве станет сигналом к вооружению всей Швейцарии. Если уж непременно хотели взять этот город, не следовало угрожать, не следовало заставлять нашего резидента уезжать прежде, чем я успел приготовиться. Если я атакую, то лишь бомбами, и если женевцы захотят обороняться на развалинах своих домов, то вполне очевидно, что с пятнадцатью — восемнадцатью тысячами человек я не возьму весьма сильной крепости, ограду которой пересекают две большие реки, а внезапное половодье, весьма обычное в это время года, прерывает сообщения. Клавьеру пришла тут дурная мысль, тем более что обладание Женевой нам бесполезно теперь, когда у нас есть Савойя. Нам достаточно было бы добиться выхода швейцарцев, а с любезностями вместо угроз, и всё это подкреплённое войсками, пушками и т. д., дело было бы уже сделано. Если у вас ещё есть голос в совете, в чём я не сомневаюсь, убеждаю вас склонить их к этому мнению. Дурной нейтралитет со швейцарцами лучше открытой войны».

[21] См. текст этого обращения в «Монитёре», № 284.

[22] Вот точный текст постановления, принятого 3 ноября 1792 года Клавьером и его коллегами:

«Временный исполнительный совет, уведомлённый о множестве жалоб, поднимающихся против генерала Монтескью, командующего Альпийской армией, постановляет приостановить всякое решение в отношении этого генерала до тех пор, пока министр иностранных дел не получит писем от гражданина Жене, посланного им к генералу Монтескью для руководства начатыми с женевцами переговорами и уполномоченного осведомиться о положении дел. Постановляет сверх того, что министр иностранных дел безотлагательно представит на рассмотрение Конвента договор, заключённый между генералом Монтескью и Женевской республикой, а также решения Совета по этому договору, и что в ожидании настоящего постановления будет отправлено председателю Конвента.

РОЛАН, МОНЖ, ЛЕБРЕН, ПАШ, ГАРА, КЛАВЬЕР; ГРУВЕЛЬ, секретарь».

[23] «Журнал прений и декретов», с. 122.

[24] «Монитёр», № 314.

[25] Монтескью, вовсе не увезя армейскую кассу, как его враги имели наглость обвинить его тотчас после бегства, был вынужден занять несколько луидоров у женеццев, чтобы достать лодку, доставившую его в Коппе на швейцарской территории. Этот факт удостоверен в донесении Шатонёфа («Монитор», № 318). Вынужденный скрываться, несчастный генерал нашёл убежище в Бремгартене близ Цюриха, где оставался несколько лет. Когда герцог Шартрский (Луи-Филипп) был в свою очередь объявлен вне закона в апреле 1793 года, именно Монтескью доставил ему место и приют в коллеже Рейхенау в Граубюндене. 24 фрюктидора III года (7 сентября 1795 года), согласно докладу Понтекулана («Монитор», № 354), невиновность завоевателя Савойи по всем пунктам предъявленного ему обвинения была торжественно признана. Вернувшись во Францию, генерал Монтескью умер там в 1803 году.

Что касается интенданта Венсана, мнимого сообщника его растрат, он предстал перед уголовным трибуналом Лиона и был единогласно оправдан присяжными (20 января 1793 года).

[26] «Монитор» и «Журнал прений и декретов», заседание 28 сентября.

[27] Комиссары, столь ясно обозначенные в этом документе, были Югенен и Мишо, которые, получив поручение от исполнительной власти по юго-восточным департаментам (см. примечание II в конце тома), своей частной властью распространили свои полномочия на провинцию, недавно завоёванную Францией. Югенен, бывший служащий застав, и Мишо, актёр, явились в Шамбери от имени Парижской коммуны; мы видим, как они основывают там общество друзей Равенства и Свободы, иначе именуемое якобинским («Монитор» от 27 сентября), но Монтескью как можно скорее от них избавился.

[28] Рассказ о празднике 14 октября находится в «Монитёре», № 294. По случаю этого праздника было решено, что пьедестал, стоящий в центре бывшей площади Людовика XV и некогда нёсший статую этого монарха, получит статую Свободы.

Также по этому случаю всем секциям Парижа было предложено («Монитор», № 283) указать имена погибших 10 августа; провозглашение этих имён должно было быть торжественно совершено посреди церемонии. Это и дало повод к первому списку жертв этого дня, элементы которого нам удалось отыскать (см. том II, примечание XV).

Но праздник пришёлся не по вкусу всем секциям. Некоторые воздержались от появления на нём. Вот любопытное по этому поводу постановление Люксембургской секции, которая, однако, не была подозрительна в модерантизме:

Заседание 7 октября 1792 года, I года Республики.

«Постоянное общее собрание Люксембургской секции, извещённое о том, что генеральный совет постановил устроить гражданский праздник по случаю взятия Шамбери;

принимая во внимание, что нет ничего более несообразного с политикой, чем устраивать этот праздник в момент, когда Республика подвержена величайшим опасностям, когда, правда, враги свободы и равенства отброшены с нашей территории, но ещё дерзкой ногой попирают эту священную землю свободы;

принимая во внимание сверх того, что этот праздник поглотил бы сумму, которая была бы гораздо лучше употреблена на оплату расходов федерации, до сих пор не оплаченных, или на удовлетворение нужд наших братьев по оружию, находящихся на границах,

постановило отправить депутацию в общинный дом, дабы выразить ему своё пожелание, предупредив его, что ни один гражданин секции не явится на праздник, столь противный её принципам; что настоящее постановление будет сообщено главнокомандующему и сорока семи другим секциям, дабы побудить их к нему присоединиться.

БУАЗО, председатель; ЖОФФРУА, секретарь».

Эта Люксембургская секция, по-видимому, имела мало вкуса к праздникам, ибо месяц спустя мы находим в её реестрах постановление, составленное в том же духе. «Комиссарам секции, — сказано там, — предписывается не присоединяться к праздникам, которые могли бы предложить соединённые комиссары, до тех пор, пока шесть генералов, находящихся на

границе, не придут с нами плясать, ибо всегда предлагают праздники, а денег на скрипки не дают».

[29] «Прения», № 34, с. 573. — «Монитор», № 296.

[30] См. в «Монитёре» и в «Журнале прений и декретов» отчёт о заседании 24 октября.

[31] Рассказ Лекиньо, «Монитор», № 307.

[32] Заседание 11 ноября, «Монитор», № 318.

[33] Заседание 15 ноября, «Журнал прений и декретов», № 246.

[34] «Монитор» и «Журнал прений и декретов», заседание 18 ноября.

[35] «Монитор», № 328, и «Журнал прений и декретов», отчёт о заседании 21 ноября.

[36] «Монитор», № 332, отчёт о заседании 26 ноября.

[37] «Монитор», № 333.

[38] Мы следовали, сочетая их, двум отчётам: «Журнала прений и декретов» и «Монитёра».

[39] Подлинник подписан Б. Барером. Ни «Монитор», ни «Прения» не приводят текста декрета дословно.

[40] Воссоединение Савойи влекло за собой и воссоединение графства Ницца. Однако эта последняя аннексия была декретирована лишь два месяца спустя.

[41] См. письмо Вестермана («Монитор», № 336), заседание 30 ноября.

[42] См. письма комиссаров Конвента от 12 и 13 ноября, зачитанные в Конvente 15-го («Монитор», № 324).

[43] «Мемуары Дюмуре», книга IV, глава IX.

[44] См. документы, зачитанные в заседании 22 ноября («Монитор», № 329).

[45] Д'Эспаньяк, как все люди его пошиба, выставлял напоказ самые пылкие патриотические чувства. Уже на другой день после вступления французов в Брюссель он добился избрания председателем общества друзей Свободы и Равенства. Пять дней спустя (20 ноября) он был делегирован новыми магистратами Брюсселя и Монса, дабы отнести Конвенту выражение чувств братства и признательности свободных бельгийцев. Ставя себя таким образом под эгиду якобинцев, д'Эспаньяк надеялся, что шумный патриотизм поставщика заставит закрыть глаза на то, чего могли оставлять желать его счета.

[46] См. в «Монитёре», № 334, объявление о прибытии Вестермана в Париж, и в № 337 — письмо, написанное им Конвенту.

[47] Согласно «Монитёру», пятый комиссар, Дюбуа-Крансе, был также назначен в заседании 30 ноября; но, по-видимому, ему помешали или он не принял назначения. Комиссия осталась составленной из четырёх членов Конвента, чьи имена мы только что привели и которым вместе с несколькими другими представителями, присоединёнными позже к этой миссии, были поручены все дела Бельгии с 1 декабря 1792 года по 3 апреля 1793 года.

[48] Г-н Борнье, профессор Льежского университета, издал под заглавием «История бельгийцев в конце XVIII века» чрезвычайно интересный труд, где со всеми подробностями рассказаны все события, относящиеся к оккупации Бельгии французами зимой 1792–1793 годов. Мы отсылаем к нему наших читателей.

[49] «Переписка Дюмуре с Пашем, военным министром», изданная в Париже в начале 1793 года, с. 77 и 456.

[50] Вот формула присяги, принесённой 24 ноября каждым из членов собрания общин Эно, собравшегося в Монсе:

«Я, N***, воспитанный в католической, апостольской и римской религии, клянусь в верности и преданности суверенному народу, меня учредившему, блюсти свободу, равенство прав, жить свободным или умереть и блюсти религию наших отцов, каковая есть религия католическая, апостольская и римская».

[51] «Монитор», № 341.

[52] Мы разыскали письмо, вручённое Камюсу тремя его коллегами. Вот оно:
«Граждане, наши коллеги,

самые критические обстоятельства побудили нас принять постановление, которое вам передаст гражданин Камюс, отправляющийся в Париж вместе с генералом Тувено. Наш коллега в состоянии дать вам и комитетам самые точные разъяснения обо всём, что касается Бельгийской армии, и ответить на все возражения. Поспешите, граждане представители, выслушать его и издать, на основании его доклада, все декреты, какие вы сочтёте необходимыми и какие ваша мудрость вам внушит для спасения Республики. Просим вас приказать гражданину Камюсу как можно скорее вернуться сюда для возобновления своих обязанностей. Его присутствие здесь необходимо. В его отсутствие мы продолжим ход операций, вами нам порученных. Гражданин Камюс изложит вам, до какой степени дошло обнищание армии. Мы понесём солдатам надежды, которые ваша справедливость, без сомнения, вскоре обратит в действительность.

Депутаты Конвента, комиссары при Бельгийской армии.

ЛАКРУА, ДАНТОН, ГОССЮЭН».

[53] Декрет от 15 декабря находится в «Монитёре», № 352; изложение Камбона — в № 353.

[54] «Журнал прений и корреспонденция якобинцев», № 324.

[55] Несколько дней спустя (24 декабря), по новому настоянию монтаньяров Кутона и Жан-Бона Сент-Андре, статья, первоначально предложенная комитетами, была восстановлена; она заняла в окончательном декрете место, которое на мгновение занимала поправка Бюзо.

[56] См. том IV, книга XIV, § III; примечание II.

[57] Из всех этих комиссаров первым прибыл в Бельгию и самым знаменитым был Ронсен, некогда весьма безвестный драматический писатель. Он был замешан в сентябрьских резнях в Мо, затем был послан как соглядатай якобинцев вслед за армией Дюмуре в момент её вступления в Бельгию; назначенный главным интендантом вместо Малиуса, он вступил в открытую ссору с генералом, был отозван и вскоре поставлен во главе революционной армии. Он погиб на эшафоте вместе с Эбером и Моморо 24 марта 1794 года.

Среди прочих комиссаров числились:

Арос-Ромен, Дарнодри, Шепи, Парис — все четверо члены повстанческой Коммуны 10 августа; Шепи, в частности, был одним из муниципальных чиновников, председательствовавших при резне в Ла-Форс;

Муше, муниципальный офицер 20 июня;

Бонман, комиссар исполнительной власти в департаменте Рона-и-Луара; Дюфур, который был арестован вместе с Моморо в Лизьё за проповедь учений аграрного закона;

Вожуа, епископский викарий епископа Блуа, заговорщик из «Золотого солнца»;

Мандрийон, бывший тайный агент Лебрена, гильотинированный несколько месяцев спустя за поддержание сношений в Куртре после взятия этого города коалиционными армиями.

[58] Адрес административных органов бывшего графства Ницца был зачитан в Конvente в заседании 28 октября. По поводу последней просьбы, содержащейся в этом адресе, в Конvente завязался довольно оживлённый спор. Жансонне потребовал перехода к очередным делам и упразднения звания маршала Франции. «Республика, — заметил он, — должна иметь генералов лишь во время войны и по поручению, а не генералов по званию в мирное время. — Надобно, чтобы после войны они возвращались к своему плугу», — прибавил Камбон. Адрес ниццев был передан в дипломатический комитет, а предложение Жансонне — в конституционную комиссию. Эта двойная передача, естественно, не привела ни к какому результату.

[59] Этот план развит в доверительном письме, которое мы разыскали; оно адресовано Ареной своему прежнему коллеге Бриссо, который тогда руководил дипломатическим комитетом Конвента, как прежде руководил комитетом Законодательного собрания:

«Арена, комиссар правительства, — гражданину Бриссо, депутату Национального конвента.

Ницца, 24 октября 1792 года.

Сардинская экспедиция, гражданин, не может состояться в настоящий момент.

Ансельм полагает, что Республика должна отправить армию в Рим, дабы рассеять двор, который ведёт против нас войну гораздо более опасную, чем пруссаки и австрийцы.

Освободить римлян, пройти в Миланскую область, в Ломбардию, вернуться в Пьемонт для осады крепостей сардинского короля — вот план, задуманный Ансельмом и только что отправленный мною гражданину Лебрёну.

Ансельм пользуется общественным уважением, он прилагает все старания, чтобы внушить любовь к Революции, и исполнительный совет должен был бы поддержать его проект.

Обратитесь к морскому министру, дабы он приказал контр-адмиралу Трюге поддерживать операции Ансельма в Средиземном море.

Ансельм — генерал-лейтенант, а Трюге лишь лагерный маршал. Стало быть, руководить должен первый. В командовании военными экспедициями всегда необходимо единство, ибо без него один мог бы желать дела на один лад, тогда как другому угодно было бы видеть его в ином смысле.

Всё это я пишу вам лишь на основании двух разговоров, бывших у меня с Ансельмом.

Повидайтесь с Лебрёном, добейтесь сообщения вам плана и постарайтесь склонить совет на него согласиться. Никогда у Франции не будет более прекрасного случая избавиться от римского двора, поставить там епископа и дать толчок всеобщему восстанию. Мы господствуем на Средиземном море; наша армия будет сильнейшей в течение зимы, она будет жить за счёт тиранов и доставит нам тысячу других выгод, которые вы легко распознаете.

Прощайте, мой прежний коллега, займитесь этим, ибо проект имеет свои достоинства.

АРЕНА».

Подписавший это письмо Бартелеми Арена стал впоследствии членом Совета пятисот; именно его обвинили в том, что он хотел заколоть кинжалом генерала Бонапарта, когда тот явился 18 брюмера в оранжерею Сен-Клу, дабы обратиться с речью к этому собранию. Не Бартелеми Арена, а его брат Жозеф был замешан вместе с Черакки в заговор против жизни первого консула, приговорён к смерти и казнён 30 января 1801 года.

[60] См. «Монитёр», № 332.

[61] Это письмо (по-видимому) не вышло из канцелярий министерства иностранных дел, ибо подлинника там не существует. Надобно полагать, что, поскольку Римская школа зависела от министерства внутренних дел, за составление послания князю-епископу взялся Ролан, или, вернее, госпожа Ролан. Отсюда понятно, каким образом, в нарушение всех дипломатических обычаев, этот документ был напечатан прежде, чем попал в руки адресата.

[62] 25 октября 1792 года, за месяц до того, как был найден предлог против Святого престола в виде заключения двух воспитанников Римской школы, исполнительная власть отправила контр-адмиралу Трюге, командующему морскими силами Республики в Средиземном море, инструкции, выдержку из которых мы приводим дословно: «Исполнительный совет напоминает контр-адмиралу Трюге о различных обидах, которые Французская республика имеет на римского папу, и об участии, которое эта чудовищная держава приняла в коалиции тиранов против нашей свободы, не перечисляя тайных интриг и нелепых бредов, коими он хотел зажечь в наших недрах войну гражданскую и религиозную. Совет поручает контр-адмиралу Трюге, проходя мимо, наказать папу и его Священную коллегия и вернуть их к чувствам почтения, которые они должны питать к Французской республике».

[63] См. письмо Келлермана Конвенту, «Монитёр», № 336, заседание 29 ноября.

[64] См. письмо Бургуэна, полномочного министра в Испании, зачитанное в заседании 22 октября; «Монитёр», № 298.

[65] См. письмо П. Обри, Максимилиана Изнара и Эспинасси, комиссаров на границе Восточных Пиренеев, зачитанное 16 ноября в Конвенте; «Монитёр», № 323.

[66] Серван только что был назначен главнокомандующим Пиренейской армией.

КНИГА XX. — ЭФЕМЕРНОЕ ТОРЖЕСТВО ЖИРОНДЫ.

I. Продолжение борьбы между Жирондой и Коммуной 10 августа. — II. Бесполезные голосования по выборам мэра Парижа. — III. Д'Ормессон, избранный, отказывается от должности мэра. — IV. Избрание Шамбона. — Декреты от 24 и 29 ноября. — V. Повстанческая Коммуна выступает с доносом на Ролана. — VI. Муниципальные выборы в Париже. — VII. Вступление в должность Коммуны 2 декабря. — VIII. Шометт и Эбер. — IX. Донос Ашиля Виара. — X. Торжество госпожи Ролан. — XI. Якобинские неистовства против роландизма. — XII. Политические трибуналы в конце 1792 года. — XIII. Конвент постановляет смертную казнь для эмигрантов. — XIV. Упразднение трибунала 17 августа.

I

Ранее мы старались познакомить наших читателей с различными этапами борьбы, которая с самого следующего дня после 10 августа установилась между повстанческой Коммуной и национальным представительством. Мы показали, как ораторы Жиронды, равно как и ораторы Равнины, Барбару, равно как и Барер, пытались, но тщетно, обуздать все возрастающую дерзость Коммуны; диктаторов Ратуши, противопоставлявших силу инерции декретам о роспуске, издававшимся против них Законодательным собранием и Конвентом; вожаков секций, неоднократно пытавшихся добиться замены тайного голосования открытым на всех частичных или общих выборах[1]. Но мы еще не входили в подробности муниципальных выборов, которые тем временем мучительно тянулись от одного голосования к другому, среди бесчисленных формальностей, изобретенных законодателями 1790 года, чтобы расстроить усилия демагогии, и которые в конечном счете должны были лишь обеспечить ее торжество.

Указав на колебания, неуверенность и слабость национального представительства, нам остается описать преступное равнодушие и глупую апатию парижского населения. В первичных собраниях, как и в Конвенте, мы увидим, как одна и та же причина производит одни и те же следствия, как отсутствие согласия делает одинаково бессильными оба этих суверенных органа власти.

В Собрании очевидное, значительное большинство проклиняло сентябрьские преступления, презирало и ненавидело тех, кто был их вдохновителями или сообщниками. Но это большинство, лишенное сплоченности, инициативы и руководства, не сумело воспользоваться часом, когда его авторитет был неоспорим и не оспаривался, чтобы с позором изгнать из Ратуши эту узурпаторскую Коммуну, которая, рожденная под грохот пушек и звон набата, должна была бы, по словам даже тех, кто рукоплескал падению конституционного трона, исчезнуть на следующий же день после 10 августа[2].

Давно покинутые порядочным и спокойным населением, секции были оставлены на откуп буйным и дерзким; пятьдесят-шестьдесят человек составляли сами по себе эти квартальные собрания, округ которых часто включал две-три тысячи граждан, имеющих право голоса; самые важные выборы не имели привилегии собрать более ста пятидесяти — двухсот голосующих[3]. Уже тогда, когда случайно это число достигалось, можно было видеть, как заметно изменяются обычные тенденции и возникают довольно живые сопротивления. Но это, так сказать, случайное большинство не сознавало своей силы и не обладало даром настойчивости. Из-за отсутствия предварительного согласия оно оставалось неуверенным и колеблющимся; оно свидетельствовало скорее о своих отвращениях, чем о своих предпочтениях. Действуя почти всегда методом исключения, оно не умело откровенно принять какое-либо решение, какого-либо кандидата. Тем самым оно увековечивало анархию и благоприятствовало, само того не подозревая, тайным замыслам людей 10 августа и 2 сентября.

Эти последние укрепились в Ратуше, как в цитадели демагогии; они решили не выходить оттуда ни за какую цену. Под давлением определенных обстоятельств мы видели и еще увидим, как они жертвуют теми или иными из своих сообщников, но всегда с надеждой заменить их другими лицами, воодушевленными тем же духом, готовыми подчиняться тем же внушениям. Мы видели и еще увидим, как они меняют тон, позу и язык в зависимости от требований обстановки, освобождаются от всяких угрызений совести, на следующий день опровергают свои вчерашние действия и обещания, попирают ногами законность, когда она им мешает, и пользуются ею как знаменем, когда она может прикрыть их притязания. Смертельная дуэль между Коммуной и Жирондой будет продолжаться еще некоторое время; не раз можно будет подумать, что Коммуна вот-вот падет под учащенными ударами, которые неустанно наносит ей противник; но, неуловимый Протей, она пройдет через все опасности и сумеет извлечь больше пользы из своих поражений, чем Жиронда из своих побед.

II

4 октября секции были созваны для проведения выборов мэра Парижа. Согласно закону от 21 мая — 27 июня 1790 года, назначение этого магистрата и других муниципальных должностных лиц предшествовало избранию членов генерального совета. Первая из этих избирательных операций должна была, естественно, оказать значительное влияние на последующие. Поэтому якобинцы подготовились к ней на торжественном заседании, состоявшемся вечером 3 октября[4].

Было произнесено много имен, но остановились лишь на трех: Антонель, Люилье, Эро-Сешель.

Первый, бывший маркиз, бывший мэр Арля и член Законодательного собрания, не был переизбран в Конвент; он приписывал свое исключение Барбару, председателю избирательного собрания Буш-дю-Рон. С досады он стал весьма враждебен партии жирондистов и отдался душой и телом Горе.

Люилье занимал место общественного обвинителя при трибунале 17 августа. Он сделался законником-самоучкой со времени Революции. Прежде он занимался более скромной профессией сапожника на улице Пти-Лион Сен-Совёр[5]. Он был оракулом секции Моконсей и в то же время одним из самых верных приверженцев Робеспьера. Грубый, неистовый, мстительный, он представлял собой точный тип тех заурядных вожаков, которые могут, благодаря силе своих легких, поднять квартал в день бунта, но которые не могли бы стремиться к более высоким судьбам, не обнаружив своего глубокого и полного ничтожества.

Эро-Сешель, происходивший из старинной судебской семьи, быстро прошел первые ступени магистратуры благодаря особому расположению королевы; в 1789 году он был генеральным адвокатом Парижского парламента. Чтобы заставить забыть свое происхождение, он очертя голову бросился в ультрареволюционное движение. Делая вид, что говорит со своими близкими только языком рынка, он публично щеголял самой напыщенной фразеологией; любимец толпы после того, как был любимцем двора, он сохранил ту величественную осанку, которая принесла ему столько успеха в другую эпоху. Поэтому Законодательное собрание и Конвент инстинктивно ставили его во главе всякий раз, когда нужно было председательствовать на общественном празднике или успокаивать народное волнение.

Некоторые якобинцы попытались выдвинуть кандидатуру Робеспьера, но их предложение было быстро оставлено, ибо нельзя было надеяться, что трибун согласится покинуть место, которое он занимал в суверенном Собрании, чтобы принять должность, которая, как бы высока она ни была, подчиняла его, налагая на него огромную ответственность.

Какой-то потерянный для общества человек, видя, что великое имя Робеспьера не встречает лучшего приема, вдруг выкрикивает другое, еще более значительное: «Есть человек, — восклицает он, — которого оклеветали интриганы, преследовали крамольники. Но это честь для него; он все вынес на своих плечах; он совершил революцию 2 сентября; избере́м Пани!»

Капуцин Шабо спешит признать, что бывший администратор полиции имеет величайшие права на доверие парижан; со своей стороны, он самого лучшего мнения об этом кандидате. «Но, — добавляет он, — эта кандидатура кажется мне слишком подчеркнутой; ее трудно будет принять большинству секций. Важно поставить в Ратуше самого ничтожного мэра, какого только можно найти, человека, который, не имея ни честолюбия в сердце, ни большой силы ума, мог бы легко поддаваться влиянию энергичного муниципалитета, которым его нужно окружить».

Петион великолепно играл эту роль как в старой, так и в новой муниципальной администрации. И в сентябре, как и в августе, он воплощал идеал бывшего капуцина. Еще не порвав окончательно со своими старыми друзьями из демагогической партии, он стоял одной ногой в обоих лагерях. Избранный первым председателем Конвента, он председательствовал также в клубе якобинцев и сохранил среди парижского населения остаток той огромной популярности, блестящее проявление которой насчитывало не более трех месяцев[6]. Его кандидатура, таким образом, осталась выдвинутой.

Из 160 000 избирателей[7], имеющих право голоса, только 14 137, то есть менее десятой части, приняли участие в голосовании 4 октября; из этого числа 13 746 проголосовали за бывшего мэра[8]. Петион заранее не отклонил назначение, которое он рассматривал как запоздалое возмещение обиды, нанесенной ему месяцем ранее выборщиками второй степени, предпочтшими ему Робеспьера, Дантона и их друзей. Но в тот самый день, когда результат голосования был объявлен, он написал письмо с отказом[9].

Событие было предвидено; поэтому самые чистые якобинцы не оказывали никакого противодействия избранию Петиона. Это было столько же выигранного времени для повстанческой Коммуны.

Начатые 4 октября избирательные операции могли быть возобновлены только 22-го. При этом втором туре голосования, как и при первом, они были затруднены все более ожесточенной борьбой между теми, кто хотел голосовать согласно закону, и теми, кто упорствовал, требуя и навязывая открытое голосование[10]. Немногим более четырнадцати тысяч избирателей[11] приняли участие в голосовании; голоса рассеялись среди дюжины кандидатов. Антонель и Эроссель находились во главе списка, первый с 2 195 голосами, второй с 1 704 голосами; затем следовал с тысячей голосов новый кандидат, кандидатуру которого не поддерживала ни одна газета и который сам, конечно, ничего не сделал, чтобы выдвинуться.

А.-Ф. Лефевр д'Ормессон был при старом режиме советником Парламента, докладчиком прошений, интендантом финансов, одно время генеральным контролером и, наконец, государственным советником. Он был избран командиром батальона при формировании национальной гвардии в 1789 году, председателем одного из парижских трибуналов при новой судебной организации в 1791 году. Он подписал петицию двадцати тысяч и, возможно, петицию восьми тысяч. Поэтому, как только его имя появилось в результатах голосования, все крикуны клуба якобинцев завопили: «Кто этот человек?»[12] — «Это представитель аристократии, которая пробуждается», — говорит Базир. — «Это зараженный член прокаженной части старого режима, — добавляет Лежандр, — это лакей монархии; к тому же он близорук; он не различает на расстоянии четырех шагов, он не умеет ни ходить, ни ездить верхом. Позор иметь его командиром батальона, а теперь хотят сделать его мэром Парижа!»

III

Результат этого второго голосования был вполне способен встревожить диктаторов Ратуши. В то же время они были поражены прямо в грудь знаменитым докладом Ролана и филиппикой Луве против Робеспьера. Они видели, как их насилия и злоупотребления были разоблачены перед всей Францией, их главный защитник низведен до роли обвиняемого[13]. Тотчас же, преображаясь как по волшебству, из волков они становятся агнцами и выставляют себя жертвами.

30 октября Генеральный совет торжественным постановлением заявляет, что не желает представлять великий город Париж против воли составляющих его граждан, и приглашает секции собраться на следующий день, 1 ноября, чтобы сообщить, считают ли они его по-прежнему достойным их доверия. Но последняя статья этого постановления обнаруживает подоплеку мыслей вожаков:

«Совет надеется, что в любом случае секции предоставят ему по крайней мере право собираться в бюро для продолжения великой операции по представлению отчетов»[14].

Уже на следующий день позиция Генерального совета меняется, ибо он заметил, что его противники, как в Конвенте, так и среди парижского населения, менее решительны в действиях, чем он сначала полагал. Под предлогом, что его предыдущим постановлением секции были созданы слишком поздно, он принимает новое, которое переносит на субботу 3 ноября голосование о продолжении его полномочий. Но суббота проходит, и об этом нет речи. На следующей неделе несколько отдельных секций присылают банальное заявление о доверии. Генеральный совет довольствуется этой видимостью одобрения; он остерегается публиковать подсчет голосов, представлять истинный результат своего обращения к народу. С другой стороны, он делает самые значительные авансы муниципальным должностным лицам, которые представляют в администрации столицы законную Коммуну, чьи функции он узурпировал в ночь с 9 на 10 августа. Он делает вид, что не помнит, что эти муниципальные должностные лица сами донесли Конвенту несколькими днями ранее о незаконности его полномочий и беспорядках в его управлении[15]. Постановлением от 4 ноября он приглашает их отныне участвовать в его работе. Более того, почести председательства он предоставляет Буше-Рене, одному из самых близких друзей Петиона, который уже месяц исполнял обязанности мэра временно[16].

Между тем избирательные операции по назначению первого магистрата города грозили затянуться до бесконечности из-за малой согласованности и энергии, проявляемых добрыми гражданами, из-за искусной тактики, принятой якобинцами, чтобы посеять нерешительность в умах избирателей относительно способа голосования и вопросов несовместимости. Между вторым и третьим голосованием Антонель заявляет в письме, опубликованном в газетах, что отказывается от голосов, которые могли бы быть ему поданы. Секция Пантеона отправляет депутацию спросить у Конвента, позволительно ли брать мэра из состава Национального собрания. В ожидании ответа, который был предрешен заранее, поскольку Собрание уже давно объявило, что существует несовместимость между мандатом депутата и исполнением какой бы то ни было публичной должности, Пантеон и секции, воодушевленные тем же духом, воздерживаются. Тем не менее, поскольку некоторые другие начали голосовать уже 31 октября, большинство в конце концов следует их примеру. С 1 по 6 ноября происходят последовательные и частичные голосования, общий результат которых объявляется 8-го. Сорок три секции приняли участие в выборах; 9 361 поданный голос рассеялся среди более чем двадцати пяти имен.

Кандидаты, собравшие наибольшее число голосов: д'Ормессон (1 741 голос); Шамбон (1 034); Люилье (857); Фрето (807); Эро-Сешель (801); Туре (601); Антонель (326); Рёдерер (300) и т.д.[17] Из этих восьми первых имен едва три — Люилье, Антонель и Эро — принадлежали к якобинству; остальные представляли умеренные взгляды бывших учредителей.

Согласно закону, должно было состояться перебаллотировочное голосование между двумя кандидатами, получившими наибольшее число голосов, то есть между д'Ормессоном и Шамбоном. Но оба этих имени были одинаково неприятны вожакам Коммуны. Мы уже объяснили, почему д'Ормессон отвергался ими; Шамбон, который входил в муниципальную администрацию еще до 10 августа и все еще находился во главе больничной службы, вряд ли мог быть им более симпатичен.

Чтобы не дать парижскому населению выбирать между бывшим министром Людовика XVI и сотрудником Байи и Петиона, Генеральный совет делает ловкую апелляцию к законности, которую он так часто нарушал. Вспомнив кстати о законе, требующем, чтобы секции

голосовали все в один и тот же день, дабы выбор одних не влиял на выбор других, он доносит муниципальному корпусу, единственному компетентному в этом отношении, о пороке, которым заражено последнее голосование. По строгому праву вопрос не мог вызывать сомнений. Голосования с 31 октября по 6 ноября объявляются недействительными и не имевшими места.

Якобинцы тогда решают отдать свои голоса Люилье, чтобы помешать избранию д'Ормессона. Несмотря на все их усилия, Люилье получает лишь 2 021 голос, д'Ормессон собирает 2 567; тысяча голосов рассеивается среди других имен. Абсолютное большинство, необходимое для этого тура голосования, который, хотя и четвертый, считается первым, не достигнуто ни одним кандидатом.

Д'Ормессон, напуганный угрозами клубистов и оскорблениями газет, объявляет, что отказывается от голосов, которыми он был стихийно почтен[18]. Тем не менее умеренные избиратели упорствуют в его поддержке, и 19-го при перебаллотировке он избран 4 910 головами против 4 896, поданных за Люилье. 21-го д'Ормессон официально провозглашен мэром Парижа Генеральным советом, который предлагает ему немедленно принять или отказаться от должности, на которую он только что был призван. Менее мужественный, чем избравшие его избиратели, бывший генеральный контролер подтверждает свой отказ и удаляется в неизвестность до конца своих дней[19].

История этих безрезультатных голосований, следовавших друг за другом в течение шести недель (с 4 октября по 22 ноября), в высшей степени поучительна. Официальные и неопровержимые цифры, которые мы привели, доказывают, что никогда не являлось более десятой части избирателей, имеющих право голоса; что якобинские кандидаты никогда не могли получить более 5 000 голосов во всем Париже; что часто они не могли собрать и половины этого числа, хотя братья и друзья с улицы Сент-Оноре пускали в ход все средства пропаганды, которыми располагали. Можно сказать, не боясь ошибиться, что воздержавшиеся избиратели не принадлежали к самым передовым мнениям и что, если бы они захотели хоть немного подражать примеру тех, кто осмеливался голосовать за умеренных кандидатов, они обеспечили бы этим последним, и с первых же дней, подавляющее большинство. Несмотря на апатию граждан великого города, победа ни разу не осталась за демагогами; блестящее доказательство того отращения, которое внушали огромному большинству парижан зачинщики сентябрьских событий, их сообщники и сторонники.

IV

Настойчивость избирателей в нежелании вступать на пути, куда корифеи демагогии пытаются их увлечь, поощряет муниципальных должностных лиц, которые еще представляют в Ратуше остатки законной Коммуны, предпринять шаг перед Конвентом. Уже 29 октября они через одного из своих, Бидермана, донесли о глубоких разногласиях, отделявших их от самозванцев, ставших их коллегами лишь по праву восстания. 22 ноября временный мэр Буше-Рене является к барьеру Собрания в сопровождении депутации муниципального корпуса и излагает, что этот корпус, обязанный управлять городом Парижем под надзором Генерального совета, сократился до четверти своих членов и что поэтому ему невозможно полезно исполнять свои функции. Собрание благосклонно принимает петицию Буше-Рене; оно постановляет передать ее в комитет законодательства, которому поручает представить доклад в течение сорока восьми часов.

Как только диктаторы Ратуши узнают об этом шаге, они мечут громы и молнии. Они обвиняют временного мэра в вероломстве, предательстве, более того, в вопиющем нарушении закона. Эти непрестанные хулители законности громко призывают к ней; эти узурпаторы, сосредоточившие в своих руках все финансовые, административные, политические полномочия, внезапно воспламеняются прекрасным рвением к прерогативам департаментского совета, который они сами в течение трех месяцев поносили, освистывали, лишали полномочий, сводили к самой подчиненной роли. Они доносят ему на Буше-Рене и его коллег как на винов-

ных в нарушении всех правил иерархии, непосредственно обратившись со своей петицией к Конвенту[20].

Департамент не успел рассмотреть это мнимое нарушение закона, так как комитет законодательства оказался готов представить свой доклад в срок, установленный Конвентом. На заседании 24-го Пиорри, довольно малоизвестный депутат, явился от имени этого комитета подтвердить во всех пунктах утверждения Буше-Рене: «Муниципальный корпус Парижа, — сказал он, — вместо сорока восьми членов, из которых он должен состоять согласно органическому закону, насчитывает лишь десять-двенадцать; одни перешли в Конвент или в департамент, другие — на должности мировых судей и полицейских комиссаров[21]. Назначение муниципальных должностных лиц — последний акт конституирования муниципалитета. Это конституирование только начинается и будет завершено лишь через два месяца и более. Без сомнения, десять-двенадцать муниципальных должностных лиц, оставшихся на своих постах, исполняют свой долг с таким же разумением, как и усердием, но они не могут удовлетворить потребности сложного управления такого города, как Париж. Как можно пополнить законное число муниципальных должностных лиц Парижа? Следует ли для проведения этих выборов созвать старый совет, который не собирался с 10 августа? Следует ли поручить их формирование повстанческим комиссарам[22]? Но старый совет, возможно, не внушал бы достаточного доверия, а с другой стороны, 288 комиссаров были назначены без протоколов их избрания[23]; редко даже все они собирались вместе, никогда не было постоянного, закрепленного, подлинного списка. Они образуют подвижную картину, отзываемую по усмотрению каждой секции». Из этих посылок докладчик заключает, что, поскольку ни одна из двух предложенных сторон неприемлема, следует прибегнуть к третьему, гораздо более радикальному средству: «Немедленно и полностью обновить совет, который должен избрать муниципальных должностных лиц и из состава которого они должны быть взяты». Выводы петиции Буше-Рене оказываются, таким образом, существенно изменены; для него нужно было лишь пополнить число муниципальных должностных лиц, ведающих деталями городского управления; в докладе Пиорри речь идет не менее как о том, чтобы, так сказать, очистить место; распустить пресловутую повстанческую Коммуну, считать недействительными и не имевшими места, если не ее акты, к сожалению непоправимые, то по крайней мере ее полномочия; признавать законными мандаты лишь тех двенадцати муниципальных должностных лиц, которые являются последними остатками прежней администрации.

Согласно предложенному декрету[24], число членов Генерального совета коммуны устанавливалось в 144 человека; в трехдневный срок должны были быть избраны сто тридцать два гражданина, которые вместе с двенадцатью муниципальными должностными лицами в должности должны были временно образовать Генеральный совет до окончательного обновления, предписанного законом от 19 октября 1792 года. Выборы 132 новых членов должны были производиться по три от каждой секции; те секции, которые уже были представлены одним или двумя муниципальными должностными лицами в должности, должны были просто дополнить число до трех. Ввиду срочности выборы должны были производиться одним туром голосования и относительным большинством голосов. Временный Генеральный совет, составленный таким образом из 132 новых избранных и 12 сохранных муниципальных должностных лиц, был обязан в трехдневный срок произвести выборы членов муниципального корпуса. Наконец, предусматривался случай, когда некоторые секции пренебрегут проведением выборов в предписанный срок; совет департамента получал поручение назначить комиссаров вместо тех, кого должны были избрать непокорные секции.

После чтения этого проекта декрета никто не осмеливается взять слово. Предложение комитета законодательства принимается, таким образом, без возражений.

Но Коммуна не проявляет такой робости, как ее друзья в Собрании. Уже на следующий день, ссылаясь на разницу между числом муниципальных должностных лиц, еще находящихся

в должности, и цифрой, названной временным мэром, она издает новое постановление с анафемой против Буше-Рене и муниципального корпуса[25].

Конвент весьма мало тронут жалобами Коммуны и ограничивается исправлением ошибки в цифрах, на которую ему указывают с таким шумным гневом. 29-го подтверждающий и поясняющий декрет к декрету от 24-го устанавливает в сто двадцать два число советников, подлежащих избранию, и в двадцать шесть число муниципальных должностных лиц, которых следует взять из этих новых избранников, чтобы вместе с двадцатью двумя, находящимися тогда в должности, образовать корпус, ведающий управлением городскими делами. Этот второй декрет, заполняя пробел, существовавший в первом, уполномочивает новый Генеральный совет назначить самому из своей среды, вопреки органическому закону от 21 мая — 27 июня 1790 года, трех граждан для временного исполнения функций прокурора-синдика и его заместителей[26].

Декреты от 24 и 29 ноября не содержали никакого постановления относительно назначения мэра, потому что можно было надеяться, что после стольких безрезультатных голосований наконец удастся прийти к правильным выборам.

Из-за категорического отказа д'Ормессона борьба сосредоточилась между Люилье, кандидатом якобинцев, и Шамбоном, кандидатом умеренных. Из 10 223 голосовавших[27] шестой тур дал 3 632 голоса Шамбону и только 2 491 Люилье; при перебаллотировке из 11 365 голосовавших[28] якобинцам удалось получить лишь 3 906 голосов для Люилье; 8 358 были отданы Шамбону, который оказался, таким образом, окончательно избранным мэром Парижа 30 ноября. Это назначение, сделанное столь блестящим большинством, должно было быть и было сочтено свободно данным одобрением жителями Парижа декретов от 24-го и 29-го, осуждением без возможной апелляции Коммуны 10 августа.

V

Эта узурпаторская власть, не имея более возможности обманываться относительно своего скорого исчезновения, использует свои последние мгновения, чтобы увековечить память о своих революционных подвигах и обрушить на своих главных врагов последние доносы.

26 ноября, сообщая секциям декрет от 24-го, она приказывает составить список всех граждан, входивших в Генеральный совет со времени последней революции, с указанием тех, кто поклялся умереть на своем посту[29]. Кредит в 400 000 ливров был открыт декретом Коммуне для раздачи пособий раненым и сиротам 10 августа; была назначена комиссия для сбора имен имеющих на то право[30]. Совет, чтобы обессмертить имена основателей Республики, постановляет, что таблица с именами граждан, погибших или раненых в день 10 августа, будет выставлена в зале его заседаний, увенчанная гражданским венком[31].

Прославившись, таким образом, в тех, кто погиб за нее, и в каждом из тех, кто составлял ее в дни ее торжества, повстанческая Коммуна поручает четверем своим членам[32] составить обращение к сорока восьми секциям и восьмидесяти трем департаментам, чтобы сообщить им о хитрых и лживых маневрах, посредством которых муниципальный корпус добился от Конвента двух декретов, предписавших временное переизбрание Генерального совета[33]. Она предписывает Буше-Рене положить на стол петицию, которую он представил для получения этого переизбрания, а также письмо о созыве нового Совета — документы, которые должны быть переданы в секретариат после того, как будут парафированы председателем, заместителем прокурора-синдика и секретарем-письмоводителем Коммуны.

Но был человек, на которого бывшие диктаторы Ратуши злились еще больше, чем на временного мэра. Это был Ролан, который своим докладом от 29 октября о состоянии Парижа разоблачил все гнусности, в которых они провинились. 22 ноября секция Пик — секция Робеспьера — объявила в постановлении, переданном сорока семи другим секциям, что министр внутренних дел утратил ее доверие[34]. Дав этому постановлению свою высшую санкцию, Генеральный совет поспешил поручить семи своим членам рассмотреть поведение мини-

стра, объявленного подозрительным, и пригласить всех граждан предоставить сведения против него[35]. 29-го обвинительный акт окончательно составлен. Он тотчас одобряется и отправляется в Конвент под названием «Обращение с доносом на преступное поведение министра Ролана».

Национальное собрание получает это обращение в воскресенье 2 декабря вечером[36]. Оно передает его в один из своих комитетов, который хоронит его в своих архивах. Мы нашли его там и, несмотря на его длину, приводим целиком. История, по нашему мнению, не может пренебречь столь характерным документом.

«Граждане законодатели, момент нашего вступления в должность комиссаров муниципалитета был моментом силы, и вы прославили мужество людей 10 августа; момент нашего возвращения в наши секции не будет отмечен слабостью. Мы приходим в последние мгновения существования, которое уже давно тяготило наши сердца, представить вам важные истины, говорить с вами как свободные люди.

Мы приходим донести вам на министра Ролана как на недостойного нашего доверия, недостойного доверия граждан, которых мы имели мужество представлять в бурные времена образования Республики.

Поджигательские писания против города Парижа циркулируют в других департаментах. Кто — может быть, не автор этих писаний, но кто их оплачивает, кто их распространяет, кто задерживает распространение патриотических газет? Это Ролан.

Был представлен нравственный отчет, и этот отчет также особенно направлен против города Парижа; кто его автор или оплачиватель? Это Ролан.

Уже одна его печатная работа вызвала против этого агента исполнительной власти, столь же честолюбивого, сколь и неверного, постановления нескольких секций, и вы знаете их мотивы.

Но это еще не все; слушайте, законодатели, и судите нас. Мы доносим вам на Ролана как на презревшего конституированные власти, нарушившего закон, велевшего сорвать печати, не дав их признать теми, кто их наложил; как на произведшего во дворце наших бывших тиранов открытия, не приняв никаких законных предосторожностей, как будто человек, стоящий ближе всех к закону, не должен был первым подчиниться ему. Мы доносим вам на него как на имевшего возможность — поскольку он представил вам аналитическую сводку документов, которые он вам привез, согласно его открытию в Тюильри — как на имевшего возможность, говорим мы, изъять часть этих документов[37]. Мы доносим вам на него, наконец, как на осмелившегося представить вам позавчера смуту и мятеж в Париже, оклеветать народ Парижа, который он окружает множеством тайных и злонамеренных соглядатаев, тогда как мир и спокойствие царствуют, несмотря на вероломные усилия агитаторов и, возможно, самого Ролана. Таковы, граждане законодатели, мотивы, которые призывают нас в вашу среду перед нашим расставанием. Зависть и клевета не продиктовали их. Эти две прискорбные страсти никогда не имели доступа в наши души. Люди, спасшие отечество 10 августа, не имеют иной цели, как открыть вам глаза и вырвать Париж у власти, которой ему угрожают интриги нескольких крамольников. Исходя из этих замечаний, очевидно, что Ролан виновен. Скажут ли, что он заблуждается? Скажут ли, что он ниже своего места? В том и в другом случае — пусть он уйдет! Он обязан это сделать ради безопасности Республики; он обязан это сделать ради самого себя; он должен передать людям более достойным, более просвещенным, наконец, истинным республиканцам бремя, которое он не может более нести»[38].

Коммуна 10 августа не совершила бы полного прощания, если бы, напав таким образом на короля дня, она забыла напасть на короля вчерашнего; если бы, попытавшись добиться отставки Ролана, она не потребовала смерти Людовика XVI. Только вместо того, чтобы непосредственно предпринять этот второй шаг, она использует привычный для нее прием. Она поручает своим комиссарам сопроводить к барьеру Собрания депутацию, которая выдает себя

за орган сорока восьми секций и которая в лучшем случае делегирована лишь одной из них — секцией Французского Пантеона. Но Конвент не обманывается, и речь его председателя Барера обращена гораздо более непосредственно к комиссарам-представителям, чем к самим петиционерам. Вот, впрочем, требование и ответ.

«Представители французского народа, — говорит оратор депутации, — чего вы медлите совершить национальное мщение? Чудовище, хотевшее уничтожить свободу и равенство, заковано. Скоро оно будет предано вашему правосудию. Зачем давать время фракциям возродиться?.. Разве смерть не может похитить у вас вашу жертву? Тогда к чему послужат все ваши клятвы? Невежество и клевета безнаказанно распространяли бы слух, что французы не осмелились судить своего короля и что они трусливо предпочли отравить его. Устраните даже возможность этого оскорбления; медлить — значит соглашаться на продолжение наших бедствий. Народ, как ни терпелив он, может устать... Итак, секции требуют от вас:

1° Поставить вопрос так, как он должен быть поставлен: Людовик, бывший король французов, достоин ли смерти? Выгодно ли Республике предать его смерти на эшафоте?

2° Удвоить усердие и деятельность, пока будет длиться это дело».

«Граждане, — отвечает Барер, — Конвент не дождался, чтобы секции Парижа выразили ему свою заботу о суде над последним королем французов. Он всегда будет с интересом выслушивать петиции граждан — это долг; но никакая секция народа никогда не опередит его в вопросах общественного спасения. У него нет ни оцепенения, ни малодушия. У него хватит мужества задуть все фракции, окружающие колыбель Республики, даже нечестивую фракцию униженителей национальной власти... Республика единая и неделимая доверила своим представителям право готовить ее законы и избавить ее как от роялизма, так и от анархии, как от коронованных предателей, так и от продажных крамольников. Национальный Конвент отвечает за это перед отечеством... Национальный Конвент должен дать отчет в своих трудах, мыслях и в суде над Людовиком Предателем лишь всей Республике в целом».

VI

Большинство секций имело в том или ином случае основания жаловаться на невыносимую тиранию тех, кому Барер только что произнес столь странную надгробную речь. Впрочем, многие заурядные вожаки суетились в этих мелких центрах местного влияния и стремились занять место комиссаров, которые уже четыре месяца восседали в Ратуше. Каждый считал себя способным исполнять муниципальные функции с тех пор, как можно было судить о неспособности тех, кого восстание облекло ими. Поэтому многие секции не стали дожидаться результата протестов повстанческой Коммуны против декрета от 24-го; некоторые начали свои избирательные операции уже 27-го, большинство — 28-го; те, кто дольше всех не мог решиться, проголосовали 30-го. Но число избирателей оказалось еще меньше для выбора новых членов Генерального совета, чем для назначения мэра. Средний показатель — один голосующий из десяти — опустился до одного из двадцати. Урны некоторых секций не получили и ста бюллетеней; урны большинства не получили и двухсот. Поскольку назначения происходили относительным большинством, многие избранники получили свои полномочия от поистине смехотворного числа избирателей.

Некоторые комиссары секций Фонтен-де-Гренель, Елисейских Полей, Мон-Блана, Понсо оказались избранными двадцатью и даже шестнадцатью голосами[39]!

При равнодушии огромного большинства парижских избирателей самые известные кандидаты испытали ту же участь, что и самые безвестные; два человека, игравшие в Ратуше в течение трех месяцев и которым предстояло играть важнейшие роли до марта 1794 года, — Эбер и Шометт, были переизбраны: первый пятьюдесятью шестью голосами в секции Бонн-Нувель, второй пятьюдесятью тремя голосами в секции Театр-Франсе[40].

Голосов примерно полусотни демагогов оказалось достаточно, чтобы удержать на курульном кресле этих двух будущих великих жрецов богини Разума и уполномочить их говорить от имени народа Парижа!

Мелкие квартальные агитаторы, которые, устав работать на других, стремились к чести заседать во временном Генеральном совете, в целом преуспели в своих расчетах и маневрах. С другой стороны, несколько секций, воодушевленных несколько реакционным духом, назначили лиц, давно пользовавшихся их доверием, но далеко не одобрявших то, что было сделано за последние четыре месяца. Из ста двадцати двух избранных лишь двадцать восемь входили более или менее долго в состав повстанческой Коммуны. Некоторые другие приобрели известность в различных обстоятельствах. Большинство еще не имело никакой известности.

VII

2 декабря утром Буше-Рене является во главе новых избранников в большой зал Ратуши. Члены повстанческой Коммуны занимают там свои обычные места. Как только они видят, что временный мэр направляется к столу, чтобы занять председательское кресло, они поднимаются в смятении и выпускают ужасающие вопли: «Это предатель, это обманщик, люди 10 августа не могут быть под председательством фальсификатора!» Буше-Рене не удостоивает вниманием эти крики и садится в стороне.

Но умирающей власти суждено было получить смертельный удар от того самого, кто был ее послушным слугой, ее слепым орудием, — от Сантерра. Свирепый республиканец, который домогался милостей министров Людовика XVI и которому предстояло однажды броситься к ногам Наполеона[41], прекрасно умел ставить грубость своей мнимой откровенности на службу своим интересам. Всякий раз, когда нужно было приветствовать появление новой власти, он оказывался из первых.

Повстанческие комиссары сопротивлялись первому требованию, сделанному им временным мэром; казалось, они ждали, чтобы от имени народа зрители с трибун пригласили их сохранить свои места. Тем временем они принимали адреса, выслушивали речи и вовсе не помышляли закрывать заседание. Является батальон ветеранов и легко получает разрешение продефилировать по залу; сопровождающий их Сантерр остается у барьера и после их ухода просит слова. Собирается ли он дать сигнал к новому восстанию, предложит ли он своим прежним сообщникам помощь своей шпаги? Нет. Он и не думает поддерживать власть, которая падает; напротив, он заявляет, что среди членов новой Коммуны много граждан, достойных общественного доверия, и что сам он, как республиканец, подал бы в отставку, если бы было возможно, чтобы Коммуна Парижа хоть на мгновение отклонилась от принципов, столь счастливо исповедуемых людьми 10 августа.

Перед этой речью, лишавшей их последней надежды, бывшие диктаторы Ратуши склоняют голову, смиряются и расходятся. В половине второго Буше-Рене может наконец занять председательское кресло и объявить о роспуске повстанческой Коммуны[42].

Сантерр сказал правду: многие члены нового Совета были достойны своих предшественников. Это были другие имена, другие лица, но тот же дух. Коммуна 2 декабря не замедлила унаследовать всю злобу, подражать всем беззакониям и всем насилиям Коммуны 10 августа[43]. Новый Совет начинает свое правление вопиющим нарушением Муниципального кодекса. Закон от 21 мая — 27 июня 1790 года, который все еще оставался в силе, установил своего рода право ostracism, осуществляемое каждой секцией в отношении выбора сорока семи других[44]. Своей частной властью новая Коммуна отнимает у них это право и присваивает его себе; она объявляет, что будет окончательно конституирована лишь после того, как удостоверится в гражданских качествах каждого из составляющих ее лиц. Затем, нагромождая беззаконие на беззаконие, она изменяет присягу, которую согласно декрету от 11 августа каждый публичный служащий должен принести при вступлении в должность. К официальной формуле она делает добавления, являющиеся формальным отрицанием закона о примирении

и успокоении, принятого Законодательным собранием. Каждый член, вызываемый секретарем-письмоводителем, обязан заявить, что он не только не был отстранен Коммуной 10 августа от публичных функций, которые он ранее исполнял, но и что он не подписывал никакой антигражданской петиции и не состоял ни в каком реакционном клубе[45].

Несколько новых членов оказываются попадающими под эти категории, изобретенные мнительной инквизицией, в частности двое избранных от секции Братства, бывшего острова Сен-Луи. Эта секция, которая всегда отличалась своими умеренными выборами, осталась верна своим прецедентам. Один из ее комиссаров, Домманже, был довольно малоизвестным адвокатом; но другой, Руайе-Коллар, помощник секретаря-письмоводителя Коммуны до 10 августа, имел в тот день мужество составить акт о насилии, которое самозванцы повстанческой Коммуны и их сообщники учинили над его коллегами и им самим, изгнав их из Ратуши; утром 2 сентября он имел еще большее мужество явиться к барьеру Законодательного собрания, чтобы донести от имени своей секции о слухах-предвестниках готовящихся убийств. При вызове его имени, при его появлении перед столом председателя в собрании разражается страшная буря. Со всех сторон на него обрушиваются с самыми тяжкими обвинениями, с самыми яростными упреками. После долгого обсуждения Совет откладывает его допущение и допущение Домманже[46].

Некоторые другие члены подвергаются той же участи. Этот обвиняется в том, что был другом Лафайета и Байи, их сообщником в деле Марсова поля; тот — в том, что однажды присутствовал на заседании клуба фельянов. Одним ставят в упрек недостаток гражданственности, другим — недостаток честности. Более того, новая Коммуна доходит до того, что подвергает тому же очистительному голосованию двадцать два муниципальных должностных лица, которым не было нужды быть переизбранными своими соответствующими секциями, поскольку они были сохранены формальным постановлением декретов от 24 и 29 ноября. Среди этих двадцати двух находились Кузен и Бидерман. Кузен, ученый профессор Коллеж де Франс, председательствовал в законном Совете в ночь с 9 на 10 августа; он проявил величайшую слабость перед одержимыми с трибун в начале вечера 9-го, а позднее перед самыми наглыми депутациями повстанческих секций[47]. Банкир Бидерман присоединился к Руайе-Коллару в его протесте против насильственной узурпации мнимых комиссаров секций; с тех пор он вступил в открытую борьбу с повстанческой Коммуной и донес на нее Конвенту[48]. Кузен и Бидерман были специально уполномочены в муниципальной администрации всеми вопросами, связанными с продовольствием. Как только их имена произносятся, оба они обвиняются в неспособности и даже в злоупотреблениях; требуют их немедленного ареста. После бурных прений Совет постановляет, что шесть комиссаров будут уполномочены отправиться к ним, проследить происхождение всех договоров, которые они подписали, рассмотреть их поведение во всех деталях[49].

Однако некоторые секции не признавали законности этого очистительного голосования и настойчиво требовали простого и беспрепятственного допущения своих избранников. Депутациям, приходящим выразить свое недовольство, Генеральный совет отвечает объяснительным обращением[50]; затем, сохраняя за собой узурпированное им право ostracism, он признает за каждой секцией право отозвать назначенных ею комиссаров, если они утратили ее доверие.

Это было полным возвращением к методам Коммуны 10 августа, возобновлением приема, который та столь искусно применяла в течение четырех месяцев своего существования, чтобы последовательно устранять членов, которые, по ее мнению, не были на высоте своей миссии.

VIII

Незаконная чистка новой Коммуны приняла бы очень большие размеры, если бы 5 декабря она не была осуждена перед Конвентом Рабо Сент-Этьеном по жалобе секции Братства (остров Сен-Луи). Напрасно Тюрио утверждает, что Генеральный совет лишь воспользовался

правом остракизма, созданным законодательством 1790 года. Не желая вступать в обсуждение, Собрание объявляет недействительным и посягающим на суверенитет народа всякое голосование, которое было бы или будет произведено каким-либо административным, муниципальным, избирательным или судебным органом для исключения членов из своей среды.

Но то, что этот декрет мешал вожакам Ратуши делать самим, они попытались осуществить с помощью секций. По печальной превратности всего земного Кузен, чья плачевная инертность и преступное попустительство столь мощно способствовали революции 10 августа, был в декабре уже не более чем жалким реакционером. От его секции, Пантеона, добились двух постановлений, объявлявших всему Парижу, что он утратил доверие своих избирателей[51]. Тот же прием был применен и против других граждан, менее известных, но не менее подозреваемых в модерантизме, чем ученый профессор. Однако, поскольку эти частичные отрешения шли недостаточно быстро, уже 22 декабря, то есть через двадцать дней после вступления нового Совета в должность, было придумано заставить муниципальный корпус[52] объявить, что, поскольку выборы, предписанные декретами от 24 и 29 ноября, являются лишь временными, следует приступить к окончательным выборам. Мы расскажем позднее об этой новой фазе истории парижского муниципалитета, которую историки, наши предшественники, ни описали, ни даже упомянули.

Декрет от 29 ноября предоставил новой Коммуне право выбрать из своей среды трех своих членов для временного исполнения функций прокурора-синдика и его заместителей. Но законодатели забыли установить различие между выборами первой степени, производимыми секциями, и выборами второй степени, производимыми Советом. Желая закончить скорее, чем лучше, опасаясь затянуть голосование, как это только что произошло с назначением мэра, они предписали в общей форме, что все выборы, предназначенные для обновления муниципалитета, будут производиться одним голосованием и относительным большинством, каково бы ни было число голосующих.

Этот ускоренный способ понятен для срочных и чрезвычайных назначений, производимых 48 секциями, но он перестает быть понятным, когда речь идет о выборах в среде относительно немногочисленного совета. Это полное уподобление двух столь различных видов выборов доказывает лишний раз плачевное легкомыслие вождей конвентского большинства, то есть жирондистов, которые не умели предвидеть самые простые последствия декретов, которые они предлагали, и которые очертя голову бросались в опасности, которых им помогло бы избежать малейшее знание людей и вещей.

Выборы второй степени были произведены так же, как и выборы первой степени, меньшинством, голосующим в отсутствие большинства. Из 144 членов Совета было лишь 59 голосующих: Шометт получил 31 голос на должность прокурора-синдика; Эбер — 34 и Лебуа — 31 на должности первого и второго заместителей. Ни один из трех избранных не получил четверти голосов, которые должны были быть поданы, и, однако, Эбер и Шометт были героями дня. С тех пор как Дантоны, Робеспьеры, Бийо-Варенны покинули Ратушу, чтобы войти в Конвент, все постановления Генерального совета вдохновлялись и направлялись Шометтом и Эбером. Временно облеченные с сентября функциями прокуратуры, эти два человека непрестанно требовали принятия самых революционных мер. Их имена читались под всеми постановлениями, всеми прокламациями Коммуны. На торжественных приемах, на общественных празднествах именно их видели во главе всех deputаций; именно их слышали ежедневно и повсюду, когда они брали слово от имени 48 секций, от имени Коммуны, от имени народа. Неизвестный до 10 августа, Шометт завоевал восхищение трибун Ратуши своим напыщенным красноречием, высокопарными сравнениями и странными сближениями, которыми были усыпаны его речи. Знаменитый в предместьях уже несколько лет благодаря своему грязному листку «Отец Дюшен», Эбер без труда стал оракулом простонародья, язык которого никто лучше него не

умел писать и на котором не умел говорить. Лебуа был лишь статистом, который появился лишь на мгновение на политической сцене [53].

Когда все выборы были произведены, приступили к водворению различных властей, ими созданных. Именно в этом торжественном случае, вступая во владение креслом, предназначенным для прокурора-синдика, Шометт дал председателю, спросившему его имя и фамилию, тот знаменитый ответ: «При старом режиме меня звали Пьер-Гаспар Шометт, потому что мой крестный верил в святых; но после Революции я принял имя святого, который был повешен за свои республиканские принципы; поэтому теперь меня зовут Анаксагор Шометт» [54].

IX

Уходя, Коммуна 10 августа пустила парфянскую стрелу в своего самого высокопоставленного врага — министра внутренних дел. Впрочем, её донос был лишь сводкой тех обличительных речей, что ежедневно произносились у якобинцев против Ролана, добродетельного, вечно добродетельного Ролана[55]; лишь копией длинного обвинительного акта, незадолго до того выпущенного братьями и друзьями против их прежнего единоверца под заглавием «Обращение к восьмидесяти четырём департаментам»[56]. Но все эти последовательные выпады мясников ни к чему не привели. Министр внутренних дел оставался на своём месте, и огромное большинство Конвента, казалось, было твёрдо намерено его там удержать. Следовательно, нужно было во что бы то ни стало лишить его доверия и уважения Национального собрания; для этого не было лучшего средства, чем показать, что он злоумышляет не против якобинства вместе с жирондистами, а против Республики вместе с эмигрантами.

И вот самый неугомонный из демагогов, Шабо, только что наложил руку на некоего дипломатического шпика по имени Ахилл Виар. Этот субъект, как и все ему подобные, был весьма расположен доносить на тех, кто отказывался пользоваться его услугами согласно тем заслугам, которые он себе приписывал, или платить ему ту цену, которую он себе назначал. 7 декабря бывший капуцин привёл его в небольшой кружок монтаньяров — Энгрена, Ровера, Ла Виконтери, Руампа, Тальена, Монтана и Базира, — все они состояли в Комитете общественной безопасности, но составляли там лишь меньшинство.

В форме протокола записываются все небылицы, продиктованные этим низкопробным интриганом, который хвастается, что получил от министра иностранных дел Лебрена через посредство Фоше поручение отправиться шпионить за эмигрантами, проживающими в Лондоне. Он, по его словам, видел д'Эгийона, Талейрана[57] и прочих. Он был представлен нескольким епископам и нескольким вельможам старого режима. Он также беседовал с Нарбонном, и этот бывший министр Людовика XVI сделал ему признания, компрометирующие Ролана. Наконец, по возвращении он получил записку от госпожи Ролан, назначавшую ему свидание, на которое он, впрочем, не явился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.